

Александр Уваров

ЛЕМУРИЯ

Александр Уваров

Лемурия

«Издательские решения»

Уваров А.

Лемурия / А. Уваров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507907-7

ЛЕМУРИЯ — мифический континент, существовавший в древности в районе Индийского океана. Судьбы героев романа переплелись в мистические узлы в потустороннем мире далёкого тропического острова.

ISBN 978-5-00-507907-7

© Уваров А.
© Издательские решения

Лемурия

Александр Уваров

© Александр Уваров, 2019

ISBN 978-5-0050-7907-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана, Светланка...

Глупая малышка, светлый мой, добрый мой человечек.

Как странно, что ты теперь не со мной. Как-то незаметно, совсем незаметно расстались мы, очень буднично и просто.

Может, ты просто вышла на минуту: в магазин, в парикмахерскую, на встречу с подругой, на прогулку в парк...

Не на работу, нет. Ты же бросила этот чёртов офис. Я помню, как ты радовалась, когда ушла с работы и говорила мне, что можешь посвятить теперь всю жизнь...

Вот я улыбаюсь. Иронично... или просто криво и жалко.

Всю жизнью. Мы и не знали, как мало её осталось.

...всю жизнь семье.

«Тебе, болван неблагодарный!»

Это ты говорила нежно, с улыбкой. Гладила мои волосы... Да, тогда у меня этих залысин ещё не было. Была роскошная, густая, чёрная-пречёрная шевелюра. Прямо-таки грива, но не львиная, конечно. У львов-то она жёлто-песочного цвета, иногда соломенно-жёлтого, под цвет саванны.

А у меня вот чёрная была. Такой вот цвет.

Р-р-роковая страсть... Глупость! Боже, какая глупость!

В голове моей темно, сам лампочку выкрутил.

Вот – ушла. Не хлопнула дверь, не застучали по лестнице каблуки. Не было прощального скандала, да и слов на прощание – не было. Вообще – ничего.

Кажется, заснул, или – не заснул даже, а лишь забылся на минуту, и тебя нет. Ну, и где тебя теперь искать? Не знаю, милая, не знаю.

Сижу вот у окна, считаю дождевые капли, гелевой ручкой вожу по блокноту, царапаю бумагу.

И кто знает, сколько вот так просижу, сколько выдержу.

Середина ночи, третий час. Бутылка «Гранта» почти пуста, а я на удивление трезв и ясность мыслей у меня необыкновенная. Хотя, возможно, это только так кажется.

В голову-то лезет всё подряд, какие-то картинки одна чудней другой, и слышу звуки, которых вроде как и нет, и тени на стене скачут забавными гремлинами-дьяволятами, шорох и шум, ветер врывается через полуоткрытое окно, ветер шевелит и бросает листки бумаги по полу.

Помнишь, с десятков лет назад это было? Я пришёл с радостной вестью о том, что крупный издатель, Игнатий Палевич, самолично принял меня и обласкал, назвал восходящей звездой русской литературы (а мне и тогда-то сильно за тридцать было... поздно, поздно начал я «восходить»), обнадёжил и обласкал, и даже выдал мне в полное владение собственную книжную серию.

И подписал я ним контракт сразу на четыре романа...

Помнишь, глупыша? Майский день был, жаркий и душный. Я задержался тогда в издательстве, пришёл в послеобеденную пору. Кажется, в четверть пятого. Может, чуть пораньше.

Ты расставляла горшки с рододендронами на балконе. Сказала: «Выгуливаю цветы. Им ведь тоже нужно дышать».

Потом из пульверизатора брызгала воду на листья.

А я говорил, говорил... Наступает, дескать, новая жизнь, счастливая и беззаботная. Наконец признан мой талант, такие люди обратили на меня внимание.

Какие именно, я не сказал... Оно и к лучшему!

Да, много чего наговорил. Под конец уж и фантазировать начал. Прославиюсь, гонорары потекут полноводной рекой. Отдамся творчеству... Так и сказал: «отдамся».

Вот и отдался...

А ты слушала и улыбалась. И гладила лепестки.

А потом сказала: «Борщ разогреть? Ты же без обеда сегодня, весь день на ногах».

Я говорил всё, говорил без умолку. Пока хлебной коркой не подавился.

Ты пальцем погрозила и сказала как ребёнку: «Ешь молча!»

Вот бы действительно – помолчать.

Новая жизнь...

Где она, интересно?

Одиночество, фонари плавают в тумане, дробью дождь по карнизной жести.

Ключу носом, допиваю виски. Глажу серо-седой ёжик на голове... Нет, не потому глажу, что жалею себя.

Просто... А у меня на макушке осталось ещё тёмное пятно. Остаток былой роскоши.

Фотографий твоих нет. Пропали куда-то, сам не пойму – куда.

Плеск. Влажной травой пахнет.

Машины летают по глубоким лужам, шумно расплёскивая серую воду на тротуары.

Машина за машиной, нарастающий гул и шум заливающей асфальтовые дорожки воды.

Размеренно, будто волна за волной. Будто шум далёкого океана долетел сюда.

Вот, уже почти три часа ночи.

Мне пора, малыша. Я не верю, что ты вернёшься. Ты не можешь меня простить. Да я и сам себя не прощу.

Мне тяжело здесь. Прости... Нечего ждать. Я собираюсь в дорогу, в дальний, дальний путь. Вот ведь расстояние я выбрал, и с собаками там не отыщешь!

Зато, говорят, спокойно. Можно отдохнуть. Главное, что на этом курорте спешить некуда. И некуда бежать.

Собираюсь, пора. Боюсь не успеть.

Волны становятся всё выше и длиннее.

Выбрасывая на берег белые звёзды, смывая с неба созвездия, сапфировые брызги мешая с лунной красной пылью – наступают на берег, топят мангровые корни, пенными языками облизывают пальмовые стволы, растворяют песчаную полосу пляжа, унося смытый с края суши и подхваченный мощным океанским прибоем песок в тёмные глубины океана.

Берег откупается от наступающих великих вод жёлто-перламутровыми раковинами и коралловыми ветвями, белыми, чёрными и алыми.

Вода берёт дань, но мало ей, всё мало ей. Потоки её обрушиваются на сушу.

Время. Настаёт пора.

Берег тонет и темнота скрывает его. Темнота ночи и тьма древней, слепой, первобытной воды сливаются воедино и великой силою тянут в сонную бездну затихающий под волнами мир.

Едва различимые за качающимися широкими, узорчатыми пальмовыми листьями огни фонарей гаснут одни за другим, и отмеченная оранжевым, мерцающим их светом полоска идущей вдоль берега дороги темнеет, сливается постепенно с ночным мраком.

И на ползущих по краю горизонта облаках бледнеют голубые отсветы огней далёкого города. Бледнеют, и свет их из голубого становится белым, а там – и вовсе исчезает.

И гаснут облака.

Ночью исчезнет...

Сейчас она разденется.

Шёлковая юбка с тихим шелестом падает на пол. На смуглой коже до стринга тонкая полоска белой нежной ткани.

Запах плоти, женской плоти. Цветы и океан. Цветы иланг-иланга падают на песок.

Алые цветы плывут по воде.

Её дыхание – мёд. Сладкий мёд.

Сладкие губы.

«И, как мы и предупреждали, мощная и затяжная гроза на южном побережье, совершенно нетипичная для этого времени года, не обошла стороной и наш тихий городок.

Порывы ветра и обилие осадков... в связи с чем мы советуем забросить ваши скутеры подальше, желательно в гараж или под навес, и присоединиться к нашим радиослушателям...

Итак, в эфире «Радио Нарака». Шестнадцать часов в сутки мы транслируем наши передачи на безупречном, как мы надеемся, английском для всех тех, кто выбрал это чудесное место на берегу океана, чтобы самым приятнейшим образом провести свои дни на планете Земля.

Для жителей нашего любимого городка Нарака, самого весёлого города самой южной провинции штата Денпасавар!

И этот музыкальный час мы начинаем с композиции группы Doors, которую оценят все любители старого доброго рока шестидесятых.

Дамы и господа, Джим Моррисон. Light my fire!»

Подойди ко мне. Ближе. Ближе.

Дай прикоснуться к тебе. Дай почувствовать тебя. Подари мне... На секунду, на мгновение – подари мне свою покорность, своё смирение, робость сердца своего.

Ты знаешь, как это возбуждает. Покорная и обнажённая плоть.

И ещё...

Податливая мягкость кожи, тихое тепло.

«...и мы начинаем розыгрыш призов!»

– Не смей бросать трубку! Не смей отключать телефон!

– Я не...

– Миша, хватит там прозябать. Хватит, говорю тебе. Зимняя спячка, бестолковая зимняя спячка – и ничего более. Ты же творец. Этот... писатель земли рус...

– Мне плевать... Жара, мозги расплавились. Ты мне на карточку ничего не сбросил?

– ...земли русской. Что? Нет, вы послушайте его! Вы его только послушайте! О чём он говорит, этот лентяй? Бездельник, медведь гималайский! Он забрался в свои джунгли, в этот чёртов тропический штат, названия которого я и запомнить не могу, сидит там уже...

– Хватит, я это слышал! Много раз слышал! Мне нужны деньги.

– ...невесть сколько, ничего не пишет! Ты же не пишешь ничего, Миша! Ни-че-го! Ни страницы, ни строчки, ни буквочки! Какая карточка? Откуда деньги? Когда была последняя...

Миша, ты помнишь, когда была последняя книга? И сколько она принесла? Одни убытки, и ничего более. Прошли золотые времена, прошли! И ещё... Я слышал женский голос. Да, по телефону. Звонил тебе два дня назад и совершенно явственно слышал женский голос. В твоём положении, знаешь ли...

– Всё, отключаюсь!

– Нет, ты подожди. Нет, подожди. В качестве аванса я готов рассмотреть вопрос... Тьфу, что за человек! Пятнадцать листов...

– Отключаюсь! К чёртовой матери... и никаких...

– Хорошо, десять! Восемь! Или рецензию... Да, отрецензируй! Молодой автор, вылитый ты в молодости. Очень перспективен, очень! Я пришлю его рукопись по электронной почте. Двести долларов, Миша. Как минимум! Рецензию я покажу своему партнёру, он ценит твоё слово. Он всё то, что ты... Двести, Миша! Как напишешь – сразу на счёт. Ты меня знаешь!

– Остынь, Игнат!

Михаил нажал на кнопку и отбросил телефон.

С тяжёлым стоном рухнул в постель и, закутавшись в одеяло, лежал неподвижно минуты три.

Потом вылез, встал на четвереньки и, захихикав так глупо, что самому стало противно, пополз по полу, выискивая залетевший под кресло мобильный.

Нашёл. Отправил по СМС: «ОК».

Сидел на полу, прижавшись спиной к тёмным, влажным брускам насквозь пропитанной ливневой водою стены.

И пряный запах подгнивающего дерева кружил ему голову.

Он поклёвывал носом, посапывал и едва уже не заснул, как звонок, ожидаемый, но всё же – резкий и оглушающе громкий (хотя, быть может, лишь в полудрёме показавшийся таким) разбудил его.

Он вздрогнул и, не открывая глаз, поводит по полу рукой, нащупывая заходящийся в надоедливой трели аппарат.

«Сменю мелодию, сменю. Сколько раз хотел...»

– Да...

– Вот и хорошо! – как ни в чём ни бывало продолжал Игнат, ничуть не смущённый столь грубым и совсем даже недипломатичным окончанием предыдущего разговора. – Вот и здорово! Очень правильное решение! Я минут через десять перешлю тебе текст. Проверь электронную почту. У тебя же есть доступ? Да о чём это я говорю! У тебя должен быть доступ! Только... М-да... Только одна просьба: рецензия должна быть положительной и развёрнутой. Да, развёрнутой, страниц на десять в формате... Сам знаешь, не мне тебя учить. Парень этот... Как сказать-то... В общем, не простой. Совсем не простой. Подробности потом... Всё потом объясню. Ты, главное, сработай на совесть. Ты умеешь, я знаю. Грамотно похвали, поддержи, отметь...

Мелькнула вспышка и секунды через две сквозь водопадный шум ливневых струй донёсся тяжёлый, лениво перекатывающийся грохот дальнего грома.

– О, это чего там? Гроза у вас?

– Гроза, – подтвердил Искандеров. – Прямо вот... с вечера. И всю ночь, наверное, будет.

– А у нас снегом всё замело, – грустно ответил Игнат. – Эх, вот и мне в тропики! Да дела всё, дела... Это ты у нас птица вольная. Взял – и улетел. А я... Так сделаешь?

– Послезавтра будет готово, – ответил Михаил. – Ты, главное, на карточку...

– Помню, помню! – радостно подтвердил Игнат. – Пока, пока!

И повесил трубку.

Повесил поспешно.

Видно, испугался, что Искандеров передумает.

А Михаил...

«Нет, всё правильно. Деньги нужны».

Принял душ, почти час выстаивая под прохладными, слабенькими струями пахнувшей тиной и многолетней ржавчиной воды, которая из смесителя текла сразу во все стороны, частично выливаясь и в шланг.

Вытерся махровым, белым с красными драконами, полотенцем.

На сон грядущий – долго стоял у открытого окна и курил, сбрасывая пепел на качающиеся под серым потоком небесной воды банановые листья.

А потом лёг в постель.

Он думал, что ночь будет бессонной, как и прошлые две.

Но – почти сразу уснул.

И снилось ему...

Вениамин посмотрел на часы.

«Уважаемые дамы и господа, прибытие рейса номер пять-два-четыре из Москвы в аэропорт Нарака задерживается...»

– Вот этого мне и не хватало!

«...на три часа. Информация о прибытии...»

– Нет, вот только этого мне и не хватало! Именно этого!

«...передана дополнительно. Данные на табло обновляются...»

Вениамин часто-часто заморгал, почувствовав сначала лёгкое жжение, а потом и сильную резь в уголках глаз от затёкшего на края век липкого, словно кислота обжигающего кожу и слизистые пота.

– Этого...

Вот только не надо сейчас тереть уголки глаз. Это ошибка, большая ошибка.

И очки не снимать. Чтобы не было искушения притронуться грязными, покрытыми пылью пальцами к ноющим глазам.

«Чёрт, когда же они отрегулируют кондиционеры! На туристах экономят, на пассажирах, на кормильцах и этих... как их... поильцах...»

Мысли совсем спутались.

«Три часа...»

Толкавший доверху гружёную синими пластиковыми чемоданами тележку толстяк в красной, обвисшей, тёмными потовыми пятнами покрытой футболке пытался объехать его...

– Ну ты, это! – и Вениамин погрозил ему пальцем.

...не справился и скрипучая аэропортовая тележка краем задела его.

– Сорри, – пробурчал толстяк, поправляя съехавший набок чемодан, что с трудом умещён был им на самый верх багажной пирамиды.

– Ты, это...

Впрочем, от жары, огорчения и общего бессилия ругаться не хотелось.

– Я тут шефа жду, встречаю... Не просто так! А ты вот...

И он ещё раз погрозил толстяку. На этот раз – кулаком.

– Аполоджайз, – пробормотал толстяк.

Поспешно поправил футболку, некстати задрвшуюся и предательски открывшую постороннему и совсем недружественному взгляду изрядно заросший тёмными волосами, колышущийся от волнения и непривычного физического напряжения живот.

И насколько мог быстро пошёл прочь, с усилием толкая тележку, и оглядываясь испуганно на грозившего ему кулаком мрачного господина в белом, не по куротному строгом, на все пуговицы застёгнутом костюме и тёмных, элегантно-гангстерских очках.

– А тебе такой аполоджайз покажу! – прошипел ему вслед Вениамин. – Век не забудешь!

Похлопал ладонью по брякам. Осмотрел их внимательно. Убедился в том, грязная тележка каким-то чудом следа на них не оставила.

И успокоился, отмякнув сердцем, и на время (секунд на пять) забыв даже о надоедливой рези в глазах.

Подошёл к серебристой колонне кондиционера. Щекою прижался к перфорированной поверхности металла.

«Хорошо!»

Приятно-леденящий воздух мягко погладил кожу.

Вениамин замычал и блаженно зажмурился.

«Хорошо-то как!»

Он стоял так, прижавшись к ледяной колонне, минут десять, не в силах оторваться от спасительной прохлады, и даже от избытка чувств периодически обнимал её, по-кошачьи мягко поводя щекой по перфорированной поверхности металла.

Потом открыл глаза, испуганной и ошарашенно захлопал веками и прошептал хрипло:

– Букет! Мама дорогая! Для Ирины, для супруги... Не простит шеф, он же бюджет на встречу выделил! Господи...

– Мистер, упаковка багажа! – певуче потянул на ломаном английском вставший рядом с ним смуглый паренёк в цветастой тамильской юбке. – Донесу недорого! Аэропорт, мистер! Терминал А! Терминал Б!

– Отвали, негодный! – прошипел Вениамин и со всех ног кинулся к выходу из здания аэропорта, расталкивая сонно бредущих ему навстречу пассажиров.

Достав на ходу мобильный, он набрал номер водителя и в паузах между судорожными вдохами выкрикнул:

– Это я. Где? На парковке? Не уехал? Здесь? Стой, я сейчас!

Остановился на секунду и, переведя дыхание, произнёс:

– Цветы забыли. Букет. Жене генерального.

«И хорошо, что рейс задерживается» подумал Вениамин.

Тем утром он проснулся необычно рано, в половине девятого.

Необычно.

Он привык уже к неспешному, замедленному до крайности течению жизни в этом маленьком курортном городке. Привык к тому, что в этих разморенных вечным солнцем местах минуты из древнего сосуда времени стекают медленной, тягучей патокой, так что и самым ленивым взглядом можно отследить размеренное, долгое, усыпляющее движение их.

Привык (и быстро привык) он к тому, что никуда не надо здесь спешить. Стремиться. Бежать.

Нечего ждать. И желать уже ничего.

Всё уже есть. И всё – было. А будет...

Только ещё одно утро. И ещё один день. И ещё один жаркий полдень. И ещё один душный вечер.

Ну, разве что... Вечер – с грозой. А полдень – не на пляже, а в городском парке.

Патока времени останется всё такой же густой. И медленным будет течение её.

Ровным и вечным.

И потому научился он поздно вставать. Чем позже встанешь – тем меньше надо прожить. После полудня остаётся маленький, совсем маленький кусочек дня.

Его несложно как-нибудь...

Но в тот день проснулся он рано. Необычно рано. В половине девятого.

Первое, что он увидел: красные цифры на электронном табло будильника.

Восемь часов тридцать две минуты.

Жар от деревянных панелей.

Дверь комнаты выходила в галерею с восточной стороны. Своды и арки галереи не спасали от утреннего солнца, не закрывали от него.

Солнце быстро нагревало крашеную дешёвым коричневым лаком дверь и дверные панели, раскаляясь и стремительно выгорая, ежеутренне изгибались под действием жара, с каждым днём всё более и более оступая от дверного косяка, и в расширяющуюся щель проникал поток жаркого, густо замешанного на пыли и мучнисто-белом песке тяжёлого воздуха.

И вместе с ним сквозь щель проходил ослепительный свет.

Свет нового дня.

И в свете этом увидел он...

– Останови машину!

Она хлопала водителя по плечу.

– Как его зовут?

– Викрам, – подсказал Вениамин и испуганно покосился на нахмурившегося шефа.

– Викрамчик, останови! – крикнула Ирина. – Stop here! Ну давай же, тормози!

Викрам послушно надавил на педаль тормоза, остановившись прямо посреди дороги.

– Это же он! Он! – радостно воскликнула Ирина и хлопала в ладоши.

– Кто? – недовольно пробурчал муж.

– Писатель! – не унималась супруга. – Известный писатель! Боже мой, я же его только на презентациях видела, мельком, буквально... Михаил Искандеров! Он здесь!

Алексей пожевал верхнюю губу и хмыкнул недовольно.

– Ты даёшь! Нашла чему радоваться! Кому, вернее... Подумаешь, писатель. Голытьба эти писатели. Дешёвка! Трепло из сферы развлечений. Да за штуку баксов у меня любой писатель «Мурку» петь научится.

– Этот не научится! – решительно возразила Ирина. – И хватит дикаря новорусского из себя изображать. Эта мода давно прошла, к тому же тебе это не идёт. А он...

Викрам беспокойно закрутил головой.

Искандеров, купив у уличного торговца листовой табак, вышел было на середину улицы – и неожиданно замер, остановившись шагах в трёх от их машины.

– Он заметил! – восторженно прошептала Ирина.

– И фамилия у него странная, – продолжал прежнюю песню Алексей. – И штаны потёртые... Ириша, ну веди ты себя прилично! Хватит глазеть! Ты пальцем ещё покажи!

– Обязательно, – ответила супруга.

И, открыв дверь, кинулась к писателю.

– А я вас узнала! Михаил... ой... отчество...

– Львович, – подсказал писатель.

«Были времена, когда меня эта фраза раздражала» подумал Михаил. «Ой, я вас узнала, вас по ящику показывали!.. Да, прямо поп-звезда, мать их всех за одно место! А теперь – ничего. Даже нравится. Есть ещё чудачки, которые меня помнят».

– Во даёт! – негодуя заявил Алексей и пальцами сдвинул мягкую кожу сиденья. – Вот что творит? А? Воспитание ведь, из интеллигентной семьи!

Вениамин пожал плечами и надел снятые им было в машине очки.

«У богатых причуд хватает» подумал он.

Но вслух, понятно, ничего не сказал.

– До дома добраться не успели!.. Писателя, видите ли, встретила! У мужа и так нервы на пределе!

И Алексей в сердцах швырнул в заднее стекло автомобиля самолично купленный Вениамином за два часа до этого роскошный букет из двенадцати орхидей благородной леопардовой расцветки.

Два жёлтых лепестка, оторвавшись, упали на сиденье.

«Двести баксов, если по утреннему курсу считать» подумал сидевший на передней пассажирском кресле Вениамин, по шуршанию и звуку шлепка определивший, что именно сделал с подарком разозлённый босс.

Вениамин так и не решился повернуть голову.

В такой ситуации встречаться глазами с боссом просто опасно.

«Напрасно она его разозлила, напрасно» подумал Вениамин. «А я им такой домик присмотрел! Игрушка! Три этажа, площадка для гольфа, и в престижном районе. А он теперь... Как бы сгоряча от аренды не отказался! Я ведь половину с отката уже получил...»

Вениамин испуганно поёжился, представив душераздирающую сцену возвращения денег риэлтору с последующим скандальным разрывом контракта, и с откровенной уже неприязнью посмотрел на этого невесть откуда свалившегося на несчастную его голову писателя.

– Тоже мне – классик! – охотно поддакнул он боссу. – Смотреть не на что!

Викрам, уловив настроение, надавил на клаксон.

Ирина повернулась к машине и помахала рукой.

– ...минуточку! Лёша, ты бы тоже подошёл, поздоровался...

Алексей опустил голову.

И смахнул лепестки с сиденья.

И в свете этом увидел он пред собой создание странное и нелепое.

Сонный взгляд не мог охватить всех черт этого создания, и в в послесонном тумане расплывалось поначалу лишь мутное, красно-жёлтое пятно.

Но постепенно, по мере пробуждения, контуры становились всё яснее и определённой, и вот увидел Михаил (потерев предварительно уголки век), что пришедшее незванно в гости существо видом напоминает толстого до крайности, обрюзшего и небритого мужика с ёжиком засаленных, неровно стриженных (похоже, как будто отчасти даже и выщипанных) тёмно-серых, с сединой, волос и одетого в красную футболку и кустарно крашенные, ядовитейшего оттенка канареечно-жёлтые шорты, пошитые, безусловно, самым креативным мастером Денпасавара.

Мастером-портным, явно творившим выкройку по внушению богини Кали, да к тому же предварительно накурившимся с помощью самодельного бульбулятора крепчайшей дурманящей смолки чараса.

Шорты эти мужик поправлял, с силой дёргая ткань, но неоднородные брючины всё время собирались в складки, немилосердно, судя по всему, натирая кожу.

Потому сидел мужик в кресле...

«Моё кресло!» с нарастающим раздражением подумал Искандеров. «Да как он посмел! Я же творю! Творю, чёрт возьми, сидя вот на этом вот самом месте!»

...с видом страдальческим и насупленным.

«А, может, это просто фантом?» с надеждой подумал Михаил.

И тут же начал убеждать себя в обоснованности этого предположения.

«Ну да, фантом! Привиделось... Привиделось такое вот существо. Забрался ко мне в номер нелепый дух, неприкаянный дух из астрального мира. Из самой нелепой параллельной Вселенной, где все ходят на руках, спят на ветвях деревьев, запускают в космос воздушные шары, а в правительстве держат только самых забавных белых клоунов из цирка шапито... Чёрт, кажется, я знаю, что это за вселенная такая и где её найти!»

Холодок пробежал по спине.

Сонный туман исчез в одно мгновение.

«Нет...»

Михаил понял, что в кресле его сидит не фантом.

Будто подтверждая его догадку, мужик заёрзал (кресло под тяжестью его расплывшегося тела жалобно заскрипело)...

«Не бывает таких тяжёлых фантомов! Фантомы сделаны из облачной ткани, и потому невесомы!»

...и потянулся к стоящему на середине стола запылившемуся графину с мутно-жёлтой водой.

С жадным чавканьем и хлюпанием он долго пил звучно булькающую в узком горлышке, пахнущую йодом и хлоркой воду.

А потом отставил наполовину опустошённый графин и вытер заблестевшие губы краем футболки.

И важно крякнул.

«Вот гад наглый!»

Михаил отбросил одеяло и, приподнявшись, сел, прижавшись к спинке кровати.

«Не фантом... Но кто же это?»

– Ты кто? – спросил он строго незваного гостя, агрессией стараясь подавить невольный страх перед загадочным пришельцем.

Мужик откашлялся и произнёс важно:

– Фея сладких снов!

«Всё понятно...»

На сердце стало легко.

«Нет, до такой степени я ещё не допился. Бомж тропический, вот кто это!»

Михаил часто встречал на улицах Нараки самого живописного вида бродяг, резко отличавшихся и видом и поведением от местных нищих.

Бродяги эти, эмигрантское месиво, относились к самому низшему слою беглецов-дауншифтеров, переживавших мировую экономическую бурю в тихой тропической бухте Нараки.

Эмигранты с солидным состоянием, снимавшие особняки в престижной парковом районе Нараки и передвигавшиеся по городу исключительно на кондиционированных «лексусах» и «мерседесах», бродяг этих вовсе не замечали.

Эмигранты среднего достатка (к которым относил себя и Михаил, справедливо признавая при этом, что изрядно потощавший его кошелек служит пропуском разве что в самый начальный подкласс самых скромных середнячков) бродяг замечали, но сторонились, не смотря на все попытки последних наладить неформальный контакт.

«Эй, брат! Френд! Амиго! Трава нужна? Я такое место знаю! А кран нужно починить? Тут сантехника плохая... Да я в России инженером был, а не сантехником! Эй, мистер! Френд! Русская народная песня – на заказ! Без музыкального сопровождения!»

«No, thanks...»

«Павиан тебе брат!»

«Отвали! В Нахабино на таких собак спускают!»

«Коля, не подходи к нему! И не торгуйся... Что значит – дешево? Да посмотри на него, он же грязный как дворняга!»

«Get lost!»

«Сам ты бастард! Граждане и джентельмены, кому помочь с разгрузкой мебели?»

Живучее, неистребимое племя российских бродяг, осевших в Нараке, увеличивалось с каждым днём.

Наслушавшись рассказов о прелестях южного края, где круглый год лето (какое это чудо! как изнуряет голодного и несчастного человека суровая и затяжная российская зима!), где

не надо платить за жильё («да хоть под пальмой спи – никто мешать не будет!»), где продукты дешёвы, а кокосы с ананасами – так и вовсе бесплатны, где километры бесплатных пляжей и целый океан, и тоже совершенно бесплатный – многие, многие искатели лёгкой доли, собрав на отнюдь недешёвый билет последние деньги (а не набравшие и такой суммы – на перекладных с божьей помощью), добрались до райских мест.

Вот только...

Кто-то из них, быть может, и стал счастлив. Или просто успокоился, добежав до желанного берега.

Но – не все. Не все.

«Из этих вот...» понял Михаил.

– Да нет, похоже, не фея ты, – хриплым спросонья голосом произнёс Михаил и покачал головой. – Скорее, демон утреннего бодуна. Как в номер забрался?

И покосился на окно, едва просвечивающее белым прямоугольником сквозь плотно задёрнутые красные шторы.

– Да не! – успокоил его мужик. – Я как порядочные люди, через дверь... Ты там... на пляже, в баре... перебрал вчера.

Мужик усмехнулся и потёр ладонью сизую от щетины щёку.

– Я вот так и подумал, что потеряешь сумку. У тебя сумка была. Синяя такая, джинсовая ткань. Тут многие такие носят... Иды вот рано утром по улице, возле вот этого дома, в кустах – синеет что-то. Присмотрелся – она, сумка. Поднял, потряс – ключи в кармашке звякают. От номера, от комнаты этой. Я так и понял, что это твоя. Я же знаю, кто где живёт, кто какую комнату снимает. Я же местный!

Последнюю фразу он произнёс с явной гордостью и даже некоторым самодовольством.

– Вот и принёс. Ты, конечно, дверь не закрыл... Ну, я и подумал: дождусь, дескать, как человек проснётся...

– Понятно, – перебил его Искандеров. – Благодарствую, таинственный незнакомец. И как тебя зовут, любезный?

– Бурцин Мирон Савельевич, – тотчас представился гость и склонил голову в церемонном поклоне.

Добавил важно и с чувством собственного достоинства, но не поднимая при этом головы:

– Свободный предприниматель!

Выждав секунд пять, посмотрел испытующе исподлобья на хозяина, будто оценивая его реакцию на представление.

Реакции не было никакой.

В эти пять секунд Искандеров просто встал с кровати и набросил халат. Называть своё имя гостю и вообще как-то реагировать на его слова он явно не хотел.

– А ещё я в аэропорту местном подрабатываю, багаж подношу, – утерев враз всякую важность, затароторил гость. – Наберут сумок и чемоданов, а до регистрации донести – никак. Так я и...

Он поспешно вскочил с кресла (можно даже сказать, что не просто вскочил, а выскочил, или вернее – вылетел из него, что для мужчины таких необъятных габаритов и рыхлого сложения было весьма непросто, а для кресла – весьма непросто было лишь протяжно заскрипеть, но всё же не развалиться от неожиданного и весьма чувствительного толчка). Схватил лежавшую на полу сумку и на вытянутых руках поднёс хозяину.

– Я ведь специально решил дождаться, пока проснётся. А то думаю: проснётся человек, а сумки нет. И огорчиться ведь! А как же можно – человека огорчать. А под дверью оставить – так ведь ненадёжно. Украдут ведь! Здесь народишко местный...

– Нормальный здесь народ, – прервал Бурцева нахмурившийся хозяин.

Проснувшийся мочевой пузырь напомнил о наполненности своей зудом и тянущей болью в паху, потому затягивать беседу с непрошеным гостем Михаил явно не собирался.

– Сколько? – напрямую спросил он.

– Всё в сохранности,.. – забормотал Бурцин. – Всё как оно и...

Поморщившись страдальчески, выдохнул:

– Двести рупий. Только из уважения!..

Михаил выхватил из рук гостя сумку и бросил её на стол.

Потом поднял упавшие с вешалки брюки, встряхнул их, покопался в карманах. И вынул пару бумажек, протянул благодетелю

– Сто. И не торгуйся, Мирон, всё равно больше не дам. В иные времена я бы и больше дал, да времена те давно прошли. Так что прими, не обессуди и проваливай!

Мирон торговаться не стал. Просто взял бумажки и засунул их в карман, что на лимонных шортах его пришит был почему-то где-то уровне, что примерно соответствовал середине бедра, да при том ещё и наискосок, под углом примерно в шестьдесят градусов к поверхности земли.

Мирон погладил ласково застёжку кармана и посмотрел искоса куда-то в глубину комнаты.

«Что он там высматривает?» обеспокоенно подумал Михаил.

И увидел...

Чёрт возьми! Как же это?..

На подоконнике, рядом с креслом, свесившись наполовину, лежал кружевной, ажурный бюстгалтер. Белые кружева с едва заметной шёлковой синей ниточкой...

«Вот незадача! И этот жулик видел...»

Мирон ухмыльнулся и понимающе подмигнул.

– Я сам, знаете, жизнелюб и могу понять...

– Уходи, – отрезал Михаил.

И, набросив брюки на вешалку, зашёл в ванную комнату.

«Он ещё здесь... Что, слушать будет?»

Открыл краны на полный напор и встал к унитазу.

И сквозь шум воды услышал:

– ...вас, господин Искандеров, хорошо знаю. Вы же местная достопримечательность. Я ещё в России, в Рязани родной пребывая, книжки ваши в будке у станции железнодорожной покупал. Всю детективную серию прочитал. А вот любовные романы не осилил. Чувств много, действий мало – не по мне это всё.

– Да уйди же, Мирон! – крикнул Искандеров и нажал на смыв.

«А что же это я с ним на ты?» по вечной, рефлексивной интеллигентской привычке начал отчитывать себя Искандеров. «Только потому с ним на ты, что он беднее меня? Или потому, что он непрошеным явился? Или я опрощаться начал... А, может, того хуже – упрощаться? Ни к чему простота такая, ни к чему. Она и впрямь хуже воровства».

– Пойду, пойду, – согласился Мирон. – Понимаю! Большого человека, мыслителя, так сказать, ерундой беспокоить нельзя. Одно только, напоследок, сказать хочу. Я тут в сумке... случайно, конечно, совершенно случайно... В общем, фотографию увидел. Женщина на этой фотографии... Сначала подумал было, что незнакомая. А потом показалось, что очень даже знакомая. Присмотрелся – и точно! Знакомая женщина. Важная дама, можно сказать, бомонд местный. Только странная она у вас какая-то там, на снимке. Волосы будто выбелены... и вообще, лучше снимок-то этот спрятать от греха подальше. И не терять его. Не все таки благородные как я... Разные люди тут встречаются, а дама эта замужня, как я точно знаю.

Михаил замер.

– Что? Что ты...

Закрыв воду и выбежал из ванной комнаты.

– Какая фотография?!

– Там, в сумке, – спокойно пояснил Мирон. – Уголок из кармашка торчал, я и...

– Там нет никакой фотографии! – срывающимся голосом крикнул Искандеров. – И быть не может!

Он подбежал к столу, в воздух подбросил синий джинсовый комок – содержимое посыпалось на пол.

Опустился на корточки. Вздохнул тяжело и потёр лоб.

Фотография лежала на полу, прямо у его ног.

«Откуда она взялась? Откуда она вообще появилась? Я же снимал её...»

Она. Но такая странная, странная... Усталый вид, потухшие глаза. И волосы...

«Она же такая цветущая... Что это?»

– Это не моё, – прошептал Михаил.

Бурцин сдержанно покашлял в кулак.

– Я в таких делах, господин Искандеров, не силён... Хотя кое-что в жизни смыслю. Опыт всё-таки... Может, её фотографию вам специально подкинули? Намёк, так сказать...

Михаил пробомотал в ответ что-то невнятное.

– Пошёл я, – тихо произнёс догадливый Мирон и сделал шаг к двери.

У самого выхода, не оборачиваясь, с интонацией профессионального зазывалы, он выпалил:

– Если-надо-что-помочь-поднести-починить-у-входа-слева-лавка-Джамиля-он-знает-где-найти!

И добавил:

– Пока!

Она не хотела присутствовать при этом разговоре.

Мужские разговоры в последнее время стали особенно нервными и напряжёнными. Присутствовать, да ещё и быть вовлечёнными в них ей не хотелось.

Тяжёлые, резкие, режущие слух слова.

Она продрогла, стоя на улице, у входа в офис, и без всякого толку дожидаясь мужа.

Она простояла почти полчаса – Алексей не выходил.

Падавший с неба снег мягко ложился на белый песочный мех, шуба тяжелела и мёрзли ноги в не по сезону лёгких туфлях.

Рассчитывала сразу в машину – да где там!

«Чёртов муж! Обьелся груш! Начальника из себя строит! Подчинённые его ждут, водителя его вечно ждёт! Теперь и жена ждать должна? Нет уж!»

Она решительным шагом вошла в здание и офиса и посмотрела грозно на охранника.

– У себя, – прошептал тот.

И добавил чуть громче:

– Совещание. Продолжается. Машину не велел отпускать.

– Я к нему! – заявила Ирина и решительно направилась в кабинет генерального.

«И пускать никого не велел» мысленно произнёс ей вслед охранник.

Семь шагов по коридору. Дверь направо. Мимо секретаря...

– Там совеща,.. – успела произнести Катя.

– Да знаю я! – с заметным уже раздражением ответила Ирина.

«Надоел он со своими совещаниями! На концерт опаздываем...»

Она посмотрела на часы.

«Опоздали».

Толкнула дверь кабинета.

Прокуренный, синий воздух. Табак и кофе.

«Сложный у них разговор...»

Она сразу поняла, что совещание это вовсе не рутинное, а, скорее, чрезвычайное. Женским ли чутьём или каким иным наитием догадалась: творится что-то очень нехорошее.

Алексей (встрёпан, будто из зашедшейся в кулачной свалке толпы вынырнул), поправив сбившийся набор галстук, кинулся к ней.

«Трое... Юрист, Пётр Илларионович. А второго не знаю. По моему, аудитор... Хотя могу и перепутать...»

– Ира, ради бога!

Алексей молитвенным жестом сложил ладони у груди.

– Извини! Прости, пожалуйста! Всё понимаю, всё... Ещё десять минут, не больше!

Ирина резко вскинула левую руку.

– Половина седьмого, Алёша. По московским пробкам на Никитскую мы точно к семи не успеем. Пропали билеты, Алёша. Так что не спеши...

Мгновенно уловив её настроение, многоопытный юрист Пётр Илларионович Корчинский, подбежал к затевающим публичную ссору супругам.

– Ирина Георгиевна, моя вина! Меа culpa, так сказать! Каюсь, грешный, я вашего мужа задержал. Но объясните...

Он скосил взгляд на третьего участника совещания (лысоватый, весьма представительного чиновного вида мужчина в светло-сером, с лёгкой электрической искрой, пиджаке с безучастным видом сидел в дальнем углу кабинета и демонстративно смотрел в потолок, а потом, минутой спустя после появления Ирины в кабинете, и вовсе с наигранно-сонным видом прикрыл глаза). Скосил – и перешёл на шёпот.

– Вы хоть ему объясните, Ирина Георгиевна, что в сложившихся обстоятельствах интересы семьи, прежде всего интересы семьи требуют немедленного и безотлагательного отъезда...

– Перестань её впутывать! – оборвал его Алексей.

– Алексей Валерьевич, – с сипуганным видом зашептал Корчинский, – поверьте, мне и без того трудно объяснять вашим деловым партнёрам причины столь внезапной учредителей некоторой компаний (ключевых, между прочим, компаний!) вашего холдинга. Пока мне удаётся держать ситуацию под контролем, но их предположения о перераспределении собственности для оптимизации, скажем так, некоторых несогласованных с партнёрами кредитов могут...

Представительный мужчина засопел. Кончик его носа хищно, по-лисы, задёргался.

– ...привести к самым неприятным послед...

– Замолчи! – прошипел Алексей.

И, взяв Ирину за локоть...

«Грубиян! Он никогда такого раньше...»

...вывел её в коридор.

И плотно прикрыл за собой дверь.

– Зачем? – спросил Алексей.

Вопрос, состоящий из одного слова, был ей вполне понятен.

– Я замёрзла! – вызывающим и одновременно жалобным тоном произнесла Ирина.

И тут же попыталась перейти в атаку:

– Как ты мог! Я сама бронировала билеты, выбрала лучшие места. Я ждала тебя полчаса! На улице! Зимой! В мороз! Мы же три года не были!..

Алексей покачал головой.

– Всё, Ириша, всё... – тихо сказал он. – Совсем, совсем плохи дела стали. Корчинский приехал неожиданно, как снег на голову свалился на пару с этим вот мужичком лысым, который от партнёров за денежками присматривает.

Алексей вздохнул тяжело и посмотрел на жену по-собачьи виновато.

– Прости, все концерты отменяются. Кризис чёртов...

– Как? – удивилась Ирина. – Мы же вчера только обсуждали...

– А сегодня кое-что произошло, – пояснил Алексей. – Не хотел тебе об этом говорить...

Может, и правла не стоило тебе знать. Как говорится, спокойней бы спалось. Но мне важно, чтобы ты поняла меня. Корчинский...

Алексей скривил губы.

– ...просит уехать из страны. Срочно. Две недели уже просит. Я его понимаю, он тоже в истории замешан...

– Какой ещё истории?! – воскликнула Ирина и схватила мужа за рукав. – Что у тебя происходит? Куда ты семью втянул?!

Алексей погладил её побелевшие пальцы и осторожно разжал их.

– Не надо, Ириша. Ни к чему...

Гладил её ладонь, успокаивая.

– В общем, бизнес-проблема. Осенью оформили кредиты без согласования с партнёрами. Были вложения, купили офисное здание в центре. В сентябре всё казалось надёжно. Связали цепочку, посредник должен был быстро перекупить здание... Всё как обычно... К декабрю досрочно гасили кредит и закрывали историю. Партнёры и узнать бы не узнали... Ни Фёдор, ни другие... Да ты не знаешь их...

– Что случилось, Лёша? – севшим от волнения голосом спросила Ирина. – Что натворил?

– Я натворил?! – возмутился Алексей и отпустил её ладонь. – Разве я этот кризис придумал?! Разве я инвесторов распугал? О прежней цене и речи нет! Вообще не понятно, кто теперь это здание купит! Это же сколько миллионов зависло! Да разве это я!..

Он застонал и обхватил голову руками.

Минуты две они стояли молча.

Ирина не знала, что ей сказать, какие подобрать слова, чтобы утешить мужа. Прежняя злость на него сменилась жалостью. Жалостью, в которой не было страха за себя. Только – за него.

Он показался ей сейчас похожим на маленького мальчика, заигравшегося в какую-то странную и совсем ненужную ему, да ещё и очень опасную игру. Заигрался – и сам испугался последствий игры своей. И замер растеряно, не понимая, как же теперь закончить счёт, не водить и не искать, а самому куда-нибудь спрятаться.

Странно... он, такой решительный, волевой, самоуверенный, всё на свете знающий и ко всему готово...

«Нет, Алёша, не ко всему. Не готов ты быть слабым».

– Поедем, – тихо сказала она. – Алёша, послушайся Корчинского. И меня. Тебе отдохнуть нужно. Ты в таком состоянии... Хотя бы на пару недель.

Алексей опустил руки и минуту стоял, покачиваясь, обдумывая предложение.

– Только не в Лондон, – ответил он. – В Лондоне Фёдор точно найдёт...

– Да мало ли мест на Земле, – улыбнувшись, тихо произнесла Ирина. – Мало ли... Вот в Индийском океане...

– Подожди!

Лицо Алексея внезапно посветлело, озарённое счастливой догадкой.

Он хлопнул себя по лбу.

– Точно! Есть вариант!

Из нагрудного кармана он достал смартфон и быстро набрал номер.

Подмигнул Ирине.

– Место – прелесть!

Услышав в трубке ответ абонента, с ходу радостно зачастил.

– Веня? Привет, дорогой! Придётся мне тебя из Берлина выдернуть. Пусть Рома там все дела сам решает. Ты мне в другом месте нужен... Какое? Тёплом месте, Веня, тёплом. Я тебе другого и не предложу. Я добро помню, Веня, не сомневайся! Помощь нужна, Веня, и срочно! Я тебе по почте сброшу координаты одного местечка. Приморский городок. Там есть агентство по аренде недвижимости... Да, свяжись с ними. Потом объясню! Давай, дорогой, действуй!

Отключил смартфон и с победным видом засвистел, выводя неровно и фальшиво какую-то бравурную мелодию.

– Дурачок ты мой, – сказала Ирина и обняла мужа.

Щёлкнул замок. Дверь со скрипом открылась.

– Петли всё забываю смазать, – виноватым тоном, словно извиняясь перед гостем за бытовую неустроенность, произнёс Искандеров.

И гостеприимным жестом распахнул дверь.

– Заходи!

Игнат как-то очень осторожно, замедляя шаг, переступил порог и огляделся по сторонам.

– Ничего, да,.. – пробормотал он. – Ничего, хорошо, да... Уютно.

Уюта в жилище Искандерова было как раз немного. Были остатки уюта.

Обломки разбитого семейного быта перемешаны были с минувшей же роскошью и теперешней неустроенностью.

Висевшее в прихожей большое зеркало в богато украшенной стилизованным лошадино-грифонным скифским орнаментом бронзовой раме завешано было гирляндами нанизанным на серую суровую нитку скрученных листов густо исписанной и исчёрканной бумаги.

Подобными же листами, сложенными в виде самолётиков, украшена была (или испорчена и замусорена – как решила бы любая добропорядочная домохозяйка) и висевшая посреди прихожей люстра, австрийские стразы которой жалобно позвякивали под тянущим от двери сквозняком, будто жалуясь гостю на заброшенность.

А по паркету, довершая общую картину беспорядка, разбросаны были разноцветные и разноразмерные носки.

– Наступай, не бойся, – напутствовал издателя Искандеров. – Вообще, будь как дома...

– Чего на полу-то? – спросил Игнат, осторожно переступая через непочтительно и легкомысленно брошенные под ноги предметы мужского гардероба. – О, да тут на две недели набор...

– Перед стиркой начал сортировать, да забросил, – пояснил Михаил. – Э, да ты, я смотрю, деликатность проявляешь! Спасибо, конечно, сердечное, но ведь ходить тебе неудобно будет. А потому...

Он схватил стоящую в углу швабру и несколькими решительными движениями сгрёб предназначенное к стирке бельё в кучу, задвинув её ближе к стенному шкафу.

– Вот так мы их! Да тут и носовой платок есть! А у меня вечно с ними беда!

И швабру поставил сверху на кучу.

Настроение Искандерова явно улучшилось.

– Так-с...

Он потёр руки.

– Снимай-ка куртку да вешай... Да, вот тот угол, возле зеркала. Там чудесная вешалка. Стойка-опора из чёрного дерева, украшенная ликами языческих и, возможно, когда-то воинственных и кровожадных, но теперь таких милых и почти домашних африканских божков. С ними...

Игнат подошёл к вешалке и провёл пальцами по лакированному африканскому дереву.

Божки и впрямь были существа не страшные и даже вполне симпатичные. Вот только почему-то все как один смотрели на мир выпученными и немного испуганными глазами, и показывали при том этому миру длинные свои языки.

Повесив куртку, охлопал Игнат карманы и достал портсигар.

– А курить можно у тебя? – спросил он развившего на кухне бурную кулинарную деятельность хозяина.

– Светлана бы не разрешила, – грустным голосом ответил Искандеров. – Она и мне с сигаретой не разрешала по квартире ходить. «В кабинете», дескать, «только там!» Да, на то кабинет писателю и нужен. Чтобы травить только себя, а не окружающих...

– Так можно? – с некоторым нажимом уже повторил Игнат.

– Валяй, – равнодушно ответил Искандеров. – Светланы же нет... Сам видишь, какие в моём доме теперь вольные нравы.

Игнат закурил. Прошёлся пару раз по коридору. Из угла в угол.

Не выдержав искушения, заглянул украдкой в гостиную.

«И как у нас писатели в кризисное время живут?»

После увиденного у самого входа в квартиру, в глубине её ожидал он обнаружить следы совсем уж дикого разгрома и проявления самых невероятных и экзотических порывов творческой природы хозяина.

И – разочаровался. Отчасти.

Нов общем – успокоился.

Интересного мало. И то хорошо.

Нет, некоторый беспорядок, конечно, присутствовал. Куда ж без него...

Но масштаб был явно не былинный и эпический.

Вот разве что... Половина книг с полок перекочевала на пол, люстру украшали знакомые уже самолётики, да ноутбук легкомысленно оставлен был на ковре прямо посреди комнаты.

Собственно... всё. В остальном всё было как в приличном обывательском доме.

«Следит пока что за бытом» успокоился Игнат. «Пожалуй, не совсем расклеился после всех ссор и семейных неурядиц. На пару романов его ещё хватит...»

Засвистел довольно и прошёл в кухню.

И тут только заметил, что пепел как-то машинально стяхнул на пол.

«Нехорошо...»

Игнат расстроился. Такой неаккуратности раньше за собой он не замечал.

«Это вот обстановка... расслабляет...»

– А пепельница есть у тебя? – спросил он готовившего угощение хозяина.

И, видя старания его, с важностью и достоинством дорого и уважаемого гостя произнёс:

– Да не старайся ты так! Обедал недавно...

– Не для тебя стараюсь, – тут же поставил его на место Михаил. – Я-то, между прочим, даже не завтракал. Так что крабы...

Он с силой воткнул в консервную банку длинный зубец открывалки.

– ...в салат будут в самый раз. А пепельница... Вот сейчас крабов в тарелку переместим, где смешаем их, родимых, с рисом, яйцом и майонезом. А банку пожертвуем тебе под пепельницу.

Он набросил на банку полотенце, прижал её к столу и, покручивая, быстрыми и сильными движениями начал открывать.

– А любимая пепельница, с крышкой которая, полна окурков. Выбросить всё недосуг, и крышку открывать нет охоты – запах пойдёт.

Сбросил красноватое морское мясо в салатницу и выскреб банку ножом.

Протянул Игнату.

– На, держи! И, если помогать не собираешься, то присаживайся. Кухня большая, да метаться по ней приходится. А ты мешаешь.

«А настроение у него ничего, боевое» с удивлением отметил Игнат, присаживаясь к столу. «Я, признаться, думал совсем мужик в депрессию впал. В царство грёз ушёл... У них, писателей, это запросто. Мне ли не знать? А он, ничего... Бодрится. Или это показное? Игра для одного зрителя?»

Пару раз вдохнул дым и затушил сигарету.

«Нет, не похоже. Он не умеет притворяться, играть. Не в жизни... В книгах – может. Но не в жизни. Не дано. Потому, должно быть, и пишет... В книгах он умеет обманывать злодеев. Но, впрочем...»

Он поморщился.

«Заболтался сам с собой. Какой же я злодей? Я – благородный герой. Издатель и промоутер. Кормилец непрактичных авторов. Так что...»

Усмехнулся.

«Или всё-таки злодей?»

– Ещё будет омлет с ветчиной, – сообщил Искандеров. – Полноценный обед из...

Он загнул пальцы.

– Трёх блюд, считая коньяк.

– У тебя и коньяк есть? – удивился Игнат. – Хорошо живёшь, хорошо...

Искандеров достал из шкафа тёмную бутылочку с вишнёво-золотистой наклейкой и гордо продемонстрировал издателю.

– «Полиньяк»! Бывали напитки и покучерявей, но в суровые годы кризиса и это роскошь.

Поставил на стол две рюмки.

– Омлет подождём или?..

– Или, – решительно заявил Игнат. – Я сегодня с водителем, так что могу не сдерживать свои саморазрушительные порывы. Наливай!

Тонкий звон стекла. Горлышко бутылки касается края рюмки. Бульканье. Пузыри в тёмной жидкости, запах дубовой бочки.

– Но я всё-таки поджарить его успею... Пока ты там по коридору гулял, я готовку начал. И шипит уже, и шкворчит! И едоков к себе требует!

Ноздри щекочет.

Невидимый пар спиртовой.

– Но выпить-то успеем? – спросил Игнат.

– Хороший подход, – подбодрил издателя Искандеров, протягивая ему рюмку. – Как сказал? Порывов разрушительных не сдерживать? Это хорошо, это очень хорошо.

Отчего-то рюмка показалась Игнату тёплой. Едва ли не горячей.

«Бывают тактильные галлюцинации?» подумал Игнат, втягивая втягивая подрагивающими ноздрями терпкий коньячный дух. «А обонятельные бывают? Мне вот кажется, здесь ещё и цветочный запах...»

– А вот и омлет поспел-успел! Шустрый парень этот омлет!

Искандеров, забирая сковороду с плиты, задел локтем занавеску и послышался издателю звон падающих...

– Пузырьки, флаконы, – с виноватой улыбкой сказал Михаил, раскладывая бело-жёлтые, дымящиеся куски омлета по тарелкам.

– Что? – недоумённо переспросил Игнат.

Искандеров положил сковороду в мойку и включил воду.

Наклонился и поднял с пола флакон синего стекла с золотистой декоративной каймой, пущеной по краю узкого горлышка.

– От Светы память, – прошептал Михаил, меланхолически покручивая пальцами стекляшку. – Духи... Я ей часто духи дарил. Вот, видишь, ушла. А флаконы остались. Пустые... Я не разрешал ей выбрасывать. Коллекционировал. Так вот – пригодились теперь. Дышу, вспоминаю... Будто рядом. Как собака, правда? Собака тапочек у хозяина унесёт, чтоб запах его рядом был. Будто и он рядом. Глупая собака! Я, правда, не умней её. У хозяйки запах украл. Она со мной, со мной...

Поднёс к лицу. Вдохнул, зажмурившись.

Открыл глаза. Они – будто блеснули на миг.

«Слёзы, что ли?» с тревогой подумал Игнат. «Так и знал! Поплыл, расклеился лучший автор! Зараза!»

– Роза... и ещё какой-то аромат... свежая трава...

– Всё, хватит! – решительно заявил Игнат и поднял рюмку. – Давай уж, для аппетита.

Сам, между прочим, предложил!

Михаил замер на мгновение.

– Верно, верно...

Вернул флакон на подоконник.

– Верно, Игнат, самое время выпить. Поднимаю...

И поднял.

– ...бокал... Или как её? Рюмашечку эту...

– Без тостов! – заявил издатель.

И опрокинул, зажмурившись.

Стало огненно в желудке и хорошо на душе. И появился аппетит.

Листья табака, табачная коричнево-зелёная крошка.

Медленно пересыпает измельчённые листья в бумажный серый кулёк.

Тяжело дышать, давит полдень.

«Быстрее! Быстрее!»

Шелест шин. Шуршание. Стихло.

Только шум двигателя и еле слышные голоса.

Белая «Тойота» остановилась прямо посреди дороги, согнав с привычного места разомлевшую было на солнце тощую однорогую козу.

Коза посмотрела недоумённо на блиставшую золотистыми тонированными стёклами, сыто урчащую японским дизелем машину, заблеяла жалобно и медленно поковыляла прочь.

– Кто это к нам забрался? – удивлённо спросил продавец, встряхивая кулёк.

– Быстрее, быстрее!

«Хорошо мне, хорошо!»

Свяжи меня. Завяжи глаза.

Дать будет лучше. Мне нельзя сопротивляться. Запрещено.

– Наказание? – спросила она.

– Вилку дай! – развязным тоном потребовал Игнат.

– Ложкой обойдётся, – ответил лучший автор, протягивая столовый прибор. – У меня, знаешь ли, с ложками-вилками беда. Они же, сволочи, пачкаются... Приятного аппетита!

– Угу, – кивнул издатель, старатель набивая рот.

– Да, – продолжил Михаил, подвигая ближе тарелку. – Пачкаются. И надо их мыть. А посудомоечную машину купить в своё время... То есть, в то время, когда сделать это доходы позволяли – я не догадался. Теперь и машины нет, и доходы уж те, и мыть лень. Вот – обхо-

жусь пластиковыми заменителями. Но для гостей, редких и дорогих, держу кое-что. Ложки, в основном.

– А вилки с ножами чем не нравятся? – прожевав обрезок ветчины, спросил Игнат.

– Тем, что острые, – пояснил Михаил. – Колят и режут... Не люблю острые предметы, не люблю... Ещё по одной?

– Не возражаю!

Они выпили ещё. Покончив с омлетом и салатом – ещё пару раз.

Говорили о пустяках. Разговор слишком уж хорошо клеился. Игната бы больше устроило напряжённое молчание.

Тогда ему легче было бы приступить к главной теме. А лёгкость беседы свидетельствовала (быть может, обманчиво) о слишком уж высоком жизненном тоне автора, а тонус – о готовности сопротивляться давлению Игната.

«Радуетесь, каламбурирует – и не пишет» удивлялся Игнат. «Ладно бы, запой или депрессия. Но в таком вот, вполне удовлетворительном состоянии – и не пишет? Не понятно... И как же его к столу подвинуть, за компьютер усадить? Или всё-таки...»

Слёза в глазах автора внушала некоторый оптимизм.

«Из-за Светланы он такой, только из-за неё!» убеждал себя Игнат. «Но это пустяки, пустяки... Нынче не эпоха романтизма, чтобы из-за бабы с ума сходить. Пора, Миша, отрываться от флакончиков этих, от воспоминаний и от самоедства дурацкого! Пора конвейер запускать. Три романа с тебя до следующего лета. Как минимум! Три!»

– Так по поводу доходов, – улучив момент, как бы между прочим заметил Игнат. – У нас тут не Америка, не гнилой Запад, чтобы автор, пусть даже и очень успешный, до конца дней своих на роялти жил. Издавался ты, Миша, в своё время неплохо. Были времена, когда замечательно, шикарно даже издавался. Таку серию у меня в издательстве выдержал – пятнадцать романов! Пятнадцать – и безо всякий «негров». Сам! Собственноручно и собственномысленно! У меня ведь мало таких авторов, Миша, мало.

Игнат вздохнул тяжело.

– Беда прямо! Измельчал народишко, скурвился. Иного и автором не назовёшь. Честолюбия полно, аж из ушей лезет. Гордыни столько, что сам Люцифер от зависти мохнатые локти грызёт. Гламура – хоть вилами грузи. Полный воз этого гламура! Ей-богу, все углы в архиве гламуром завалены, крысы читать не поспевают. Одна радость – макулатурой обеспечены основательно, лет на десять вперёд. А вот идей – нет.

Игнат налил рюмку до краёв и одним махом осушил.

– Омлет кончился, салат – опять же... С закусью проблемы, – предупредил Искандеров. Игнат помотал головой и сложил пальцы кукишем.

Выдохнул.

– Нету, Миша! Авторы много, бумаги много, типография заказами завалены. Идей – хрен!

Игнат с удивлением посмотрел на кукиш и распрямил пальцы.

«Один, два... Четыре, что ли?»

Он фыркнул недовольно.

«Пять, конечно. Развезло, блин...»

– Лепят муть какую-то, Миша... Но народом!..

Игнат показал пальцем на потолочный светильник.

– Народом муть востребована!

Игнат покачнулся и, схватившись за край стола, спросил жалобно:

– Что я могу с народом поделывать?

Он стукнул кулаком по краю стола.

– Что я с этой сволочью могу поделывать?! Он же по-тре-би-тель!

Последнее слово Игнат произнёс нараспев. И застонал.

– Он деньги платит! Деньги!

Игнат наполнил рюмки.

– За народ, Миша! За читателей! За потре... треби...

Язык у Игната явно начал заплетаться.

– Потребителей изящной словесности! Особенно – высокопос... Тьфу! Высокопоста...
вленн... нны... Ных! И платёжеспо... собны... Ных!

Встал. И потянул Искандерова за рукав.

– Стоя, Миша, стоя! Только стоя! За народ – стоя!

– Шутовство это, Игнат, – ответил Михаил.

И выпил, не вставая.

– Не любишь народ? – с кривой усмешкой спросил Игнат.

Опрокинул. Выпил свою порцию. Опять – одним глотком.

И рухнул на опасно заскрипевший стул.

– Правильно...

Игнат кивнул.

– Правильно, Миша. Народ никто не любит, он сам себя не любит. И я бы... Да вот беда, деньги нужны! У меня же полиграфия, производство. Заказы, расходы, кредиты. Кредиты, будь они неладны! План у меня, Миша, план! Это же как завод – не остановить. И люди на меня работают, а им зарплату надо платить. Ты автор, тебе легко. Принял красивую позу, байроновскую, к примеру. Плащ запахнул, да встал на утёсе! И – всё! Вне игры! А я...

Игнат постучал пальцем по столу.

– Я – производственник. Предприниматель. Я должен выпускать то, что продаётся. И любой, любой тебе скажет!..

– Игнат, к чему всё это? – спросил Искандеров. – Мы об этом говорили уже много раз. Ты хотел, чтобы я делал красиво – и я делал красиво. Ты хотел получить ликвидный текст – и получал.

– Ликвидный? – переспросил Игнат.

И усмехнулся.

– Нет, Миша, нет! Авторы бывают ликвидными или нет. Это они продаются! Их имена продаются! А тексты... С ними у тебя проблем не было. С текстом, с идеями. Но... Это ведь я сделал тебя продаваемым. Это с моей подачи ты стал ликвидным. Попал в оборот! В прибыльный сектор! В яблочко! В десятку, чёрт возьми!

Игнат потянулся к бутылке.

– Хватит! – остановил его Искандеров и убрал бутылку под стол. – Похоже, ты не просто так в гости напросился. По душам решил поговорить? Тогда с коньяком завязываем. А то у тебя уже язык заплетается. Ещё пару глотков – и одними междометиями заговорим. А потом на мычание перейдём. Лучше так посидим... Или чаю?

Игнат погрозил пальцем кухонной мойке.

– Не-е, – протянул он. – Напрасно убрал, Миша. Напрасно бутылку убрал! У меня алкогольная релаксация...

– Глупость из тебя лезет алкогольная! – заметил Михаил. – При чём здесь – любишь народ или не любишь? Может, и любил бы до беспамятства, только на черта ему моя любовь? К чему эта демагогия, Игнат? Пришёл в жилетку поплакаться? На времена и нравы пожаловаться? Ну что ж, давай скажем другу другу красивые и правильные слова. Давай поклянёмся, что будем трудиться не жалея сил, и дадим измученному бытом обывателю парочку книг в красивой обложке, которые помогут ему скоротать время в метро. Или, пардон, в ватер-клозете.

– Три! – заявил Игнат.

Поднял и быстро опустил три пальца.

– Три книги дадим!

– Хоть десять! – воскликнул Искандеров. – Я ведь твои мыслишки на лету ловлю! На лету, Игнат! Ты сделал меня продаваемым, узнаваемым, покупаемым и так далее! А я, нехороший человек, после ухода жены раскис, размяк, заперся в доме, сижу бирюк бирюком, и все идеи свои творческие наглým образом гроблю, с тобой не делюсь. И ты, бедолага, вынужден с юными оболтусами общаться, силы на них тратить, тексты их в издательский формат втискивать. Кого в «негры» вербовать, а кого (ужас какой!) и с нуля раскручивать. И столько сил на это уходит, а результат... Будет ли он ещё – не известно. А под боком у тебя гад Искандеров сидит, один из трёх самых раскрученных авторов, и пользы от него – никакой. Даже не с гулькин нос, а никакой! За несколько месяцев – ни одной новой книги. Пара статей, и всё. И обидно тебе Игнат до слёз, и тянет к горячительным напиткам. Так?

– Так, – согласился Игнат. – Молодец, Миша, обо мне ты подумал. Творчески, так сказать, осмыслил ситуацию. А о себе ты подумал?

Он перевернул рюмку и ложкой постучал по ней. Раздался мелодичный звон.

– По тебе звенит этот колокол, Миша! По тебе!

Поставил рюмку на стол.

– Плесни ещё! Не жадничай!

– Договаривай всё, – потребовал Михаил. – До конца! Тогда допьём. Может, ещё и за добавкой в магазин побежим.

Игнат удивлённо поднял брови.

– Зачем самим бежать? Я водителя пошлю!

Остатком горбушки добрал остатки салата. Пережёвывал долго, медленно двигая челюсти.

Искандеров терпеливо ждал.

– Ладно, говорим откровенно, – решился Игнат. – Миша, ты же специфический автор. У тебя есть свой авторский стиль. Ярко выраженный, запоминающийся! И его, блин, трудно имитировать! Понимаешь, куда клоню?

– Понимаю, – ответил Михаил. – Клоня дальше, не стесняйся.

– Так вот, – продолжал Игнат. – Имя твоё ликвидное отдельно от текстов продавать трудно. А я пытался... Помнишь, Миша?

Искандеров кивнул в ответ.

– Ты все эти планы гробил, Миша! Но не это их сгубило. Нет, не это! Ты не хотел писательскую бригаду возглавить, индивидуалист чёртов! Все серии на себе тянул. А я, в качестве эксперимента, попросил парочку ghost writer'ов текст подготовить... Хотелось проверить, могут они под тебя работать или нет.

– Силён, Игнат! – воскликнул Искандеров. – А ещё что ты за моей спиной творил?

– Ничего, успокойся!

Игнат жестом патриция поднял вверх ладонь.

– Не пошло это в печать. Никуда не пошло, кроме корзины. Не потянули, ребята, не выдали продукт требуемого кач...

Игнат помассировал уголки губ.

«Чёрт, действительно с дикцией... неладно».

– ... требуемого качества. Мы же это качество столько времени оттачивали! И вот...

– Пришёл ко мне? – спросил Искандеров. – Отчаялся слепить подделку и пришёл ко мне? Игнат, а ты ведь сам себя обличаешь! Выходит, народ не всё лопают, что ты ему подсовываешь. Капризничает иногда, качественный текст требует. А то и пищу для ума! Ужас-то какой! Столько ты его попсой по этому самому уму гвоздил, а ум всё жив и пищи требует. Беда с читателем, Игнат, беда! Неприлично развит.

– Михаил, не дерзи! – остановил его Игнат. – И не впадай в манию величия. Не на тебе одном издательство держится. Не заносись! И книги выходят... На разные вкусы! Историческая литература, к примеру. Мемуары. Хокинга недавно выпустили! Классическая серия, опять-таки! Фитцджеральд, Уайльд, Хемингуэй...

«О, заговорил!» обрадовался Игнат. «Язык заработал!»

– Ещё Пушкин и Лермонтов есть, – подсказал Искандеров. – Обойма верная!

Игнат отмахнулся.

– Сам всё понимаю. Понимаю, Миша, что литература не должна закончиться двадцатым веком. И ещё хвост... из девятнадцатого. Новое должно быть, Миша! Новое! Разве я не понимаю?

Он постучал себя по лбу.

– Идеи! Идеи, вот что нужно!

Игнат сложил ладони у груди.

– Идеи, Миша.

Искандеров поставил бутылку на стол.

– Возьми лучше это. Больше ничего у меня нет.

Встал. И подошёл к окну.

– Ладно, – сказал Игнат. – Возьмём...

Допивал в одиночестве, не дожидаясь хозяина.

– Холодная выдалась весна в этом году, – сказал Искандеров, барабанил пальцами по стеклу. – Начало подходящее для грустной истории. Скажем так... Весь апрель дожди, дожди, дожди...

Скрип. Он с силой надавил пальцем на стекло – и повёл вниз.

– Во-о-от! Ка-а-апли! Одна за одной! Одна за другой!

Игнат вздрогнул.

– Перестань ты! – крикнул он. – Что за звук-то мерзкий! Ненавижу эти скрипы! Эти стоны! Не вгоняй меня в депрессию! Не затягивай в свой больной мир, мне ещё пожить хочется, дела поделывать, вопросы порешать. Тебе на хлебушек с маслом заработать! На несовершенстве природы человеческой зарабатывать надо, а не проклинать её.

Игнат ударил кулаком по столу.

– Сделаешь три книги или нет?

Михаил равнодушно пожал плечами.

– Одну сделаю, – после минутного молчания ответил он. – Месяца за два-три. Как раз к осени...

– Вот и хорошо! – обрадовался Игнат и встал из-за стола.

И, к удивлению своему, без особых усилий удержал равновесие.

«Силён я, силён!» с уважением к самому себе подумал Игнат.

– Правильное решение! – продолжал он. – Главное начать, как говорил Михал Сергеевич. За первой и другие потянутся... Да не хмурься, не хмурься! Для писателя главное – молчание нарушить и до стола дорваться, а там так строчить начнёт – не остановишь. Мне ли не знать! И насчёт Светки...

Он подмигнул.

– Не... Не беспокойся! Ты, небось, мямлить начал да смысл жизни искать, вот она и ушла. Бабы не любят рефлексирующих интеллигентов, Миша. Ты сам это знаешь! Ты же сильный мужик, спортсмен, путешественник. Здоровый технарь, инженер. До чего тебя талант довёл и самокопание твоё? Смотреть больно! Завязывай с этим, ей-богу! Работать начинай. Она и придёт...

– Ступай, – попросил его Искандеров. – Голова болит, спать хочу...

Он нагнулся и поднял с пола упавший с кухонной полки чёрный полиэтиленовый мешок для мусора.

Помял его, повертел в руках – и вдруг потянул за тесёмки.

– Дожди... Воды много...

Игнату вдруг стало страшно.

– Брось, – выдохнул он.

По воздуху побежала чёрная рябь.

– Брось! – закричал Игнат. – Брось! Брось это! Брось!

Пора это выбросить. Пора. Странные сны.

«...по просьбе Игната Ивановича Палевича высылаю вам драфт договора на новый роман...

Рассчитываем получить ваш ответ завтра до конца рабочего дня.

По вашей просьбе срок на подготовку романа я увеличил с двух до трёх месяцев.

Игнат Иванович просил как можно быстрее завершить все формальности, так что при необходимости договор для подписания я могу привезти вам на дом, либо в любое указанное вами место.

Ожидаю скорейшего ответа.

С уважением

Коцюра Д. Н.

Референт Генерального директора»

«...Издательство в лице Генерального директора И. И. Палевича, действующего на основании... настоящий Договор с М. Л. Искандеровым (в дальнейшем – Автор)...

...за вознаграждение передаёт исключительные права...»

Травки, между прочим, лечебные, а не ядовитые!

– Теперь ты разденься, – попросила она. – Я хочу увидеть тебя, всего тебя.

Он был послушен. Полностью покорен её воле.

«Мне воздаяние. Воздастся по делам, по словам, и по мыслям».

– Сними брюки. Отбрось. И это сними...

Её любовник обнажён. Обнажён и беспомощен.

– Передай мне...

Он протянул ей брючный ремень. Она протянула язычок ремня сквозь стальную пряжку.

Петля.

На шею или на руки?

– Сюда, – попросил он и завёл руки за спину.

Она приблизила голову к его груди. Кончиком языка провела по соску. Рука скользнула по его животу – ниже.

Тёмные волосы. Темнота.

Плоть растёт, удлиняется, наливаясь жаром. Сладковатый запах с кислинкой – острее.

– Хочешь оказаться в моей власти? – спросила она. – Не страшно?

Она улыбается.

– Нет, – отвечает он. – Не страшно...

«Иго твоё легко... Легко!»

Она обошла его. Прижалась к спине. Плотно. Охватила за плечи и на секунду узкой полоской ремня придавила горло.

– И теперь на страшно? Совсем?

– Нет, – ответил он.

Она погладила его ягодицы. Задержала палец на ложбинке. Медленно продвинула вглубь. Ещё немного. Ещё.

Глубже.

Лёгкой, едва заметной волной дрожь пробежала по его спине.

– И теперь? – повторяла она. – Я ведь могу потерять разум от страсти. Могу войти в тебя.

Ты и это примешь?

– И теперь, – ответил он. – Смири...

Она набросила ему петлю на сведённые руки. Затянула узел.

– Я выпью тебя, – сказала она. – Всего тебя, до дна. Я буду обладать тобой. Тобой – всем!

Ты весь будешь мой!

Она обошла его и встала перед ним на колени.

Кончиком языка провела по всей длине поднявшегося в возбуждении члена. Нежно прикоснулась губами к головке, смачивая её слюной. Рот её буквально истекал влагой, смеси вавшейся с липкой прозрачной жидкостью, каплями собравшейся на головке члена.

Она подняла голову. Посмотрела на него с улыбкой.

– Да ты весь течёшь...

Он не ответил ей. Лишь дышал тяжело, словно задыхаясь в полночной жаре.

– Скоро ты польёшься... Скоро...

Она охватила губами его член и стала сосать, ускоряя темп. Ладонью поглаживала яички.

Потом повалила его на постель. Головой прижалась к животу, словно удерживая любовника на месте.

И сосала, вытягивая жидкость его, ощущая с восторгом, как набухает и наливается жаром головка члена.

И чувствовала как любовник дрожит и извивается в объятьях её, как твердеют от сладкой судороги его мышцы. Чувствовала... Каким-то особым чувством, догадкой, прозрением, озарением мгновенным – увидела на мгновение красный огонь, охвативший его живот.

Семя рвётся навстречу её губам.

Ноги его бьют по простыне.

Океан захлёбывается. Она глотает белую жидкость. Лижет языком кожу.

– Ещё... Ещё...

Пьёт – глоток за глотком. Горячее мясо пульсирует в ней в руке, будто стараясь вырваться из сжатых пальцев.

Последние капли. Она облизывает губы.

Теребит пальцами член, словно стараясь добыть ещё влаги. Он отвечает ей стихающими толчками всё ещё напряжённых и горячих тканей. Последние капли, уже не белые, а полупрозрачные, текут ей на ладонь.

Она растирает остатки спермы по животу.

И затихает на несколько минут, чутко прислушиваясь к шумному дыханию остывающего от страсти любовника.

– Это только начало, – шепчет она. – Это только начало, милый...

Она даёт ему отдохнуть. Главное ещё впереди.

Он избавился от семени и следующую игру перенесёт легче.

Следующая игра будет более забавной.

Она переворачивает его на живот.

Стих шелест шин. Облако красновато-коричневой пыли.

Машина остановилась почти беззвучно. Только по стихшему шелестящему звуку и можно было понять, что японский протектор не поднимает больше с земляной дороги прокалённую полдневым солнцем тропическую пыль, и роскошная белая машина с золотистыми тонированными стёклами остановилась почему-то прямо посреди дороги, напротив табачной лавки.

– Кто это к нам забрался? – удивлённо спросил продавец, встряхивая кулёк.

– Быстрее, быстрее! – поторопил его Искандеров.

И протянул руку за кульком.

– Хороший табак! – не забыл похвалить товар табачник. – Для трубки хорош, сигарету скрутить – хорош...

Он явно был взволнован и смущён. Его превосходный по здешним меркам английский (бывший главной причиной того, что Искандеров именно в его торговом заведении закупал листовой табак) заметно сломался и охромел.

Слова он подбирал с трудом. И левый глаз его беспокойно запрыгал и начал косить.

– Е-э! – обиженно заявила проходившая мимо коза.

И затрясла пыльным боком на разноцветные кучки пряного, ароматного, со всевозможными травами и приправами смешанного табака.

– А ну! – закричал продавец. – Проходи!

Добавил какое-то слово на местном диалекте. Но замахнуться на животное не решился.

Впрочем, понятливая коза и сама ушла.

Звук хлопнувшей двери. Кажется...

Искандеров повернулся на женский голос.

– А я вас узнала! Михаил... ой... отчество...

– Львович, – подсказал Михаил.

Молодая женщина, красивая, в соблазнительно короткой юбке, с потрясающе стройными ногами, с длинными каштановыми волосами, с миндалевидными голубыми глазами – стояла перед ним.

И восторженно смотрела на него.

«Поклонница?» с давно уже забытым, но теперь вдруг внезапно появившимся радостным волнением подумал Михаил. «Неужели? Когда ж это было? Неужели сейчас она скажет: „а я вас узнала“? Не верю!»

– А я вас узнала! – воскликнула она. – Михаил Львович Искандеров! Правда? Это вы?

– Это я, – подтвердил Искандеров. – Это...

Что-то знакомое было в её облике. Будто что-то давнее, забытое уже, прочное забытое, погребённое под грудой хлама мимолётных видений в самом дальнем уголке памяти, неподвижно лежащее, тихое, едва ли не мёртвое до времени, но теперь вот ожившее, проснувшееся воспоминание, намёк, полкартинки туманной, еле слышный звук в общем хоре бесчисленных звуков проходящей, пролетающей мимо жизни, неуловимое, неосязаемое, неосознанное, и неосознанностью своей особенно беспокоящее воспоминание.

О чём?

Женщина радостно засмеялась.

– А я ваша поклонница! Самая преданная и верная! У меня полная коллекция ваших книг! Все серии... Ой, нет! Кроме детективных. Детективы не люблю...

– Слишком много насилия? – спросил Искандеров.

Он хотел бы смотреть на неё равнодушно. Должен был бы смотреть равнодушно...

Но, против воли своей, любовался. Взгляд будто прикован был к её телу.

«Как красива...»

– Просто не люблю – и всё. Может, герои не симпатичны. Жадны, себялюбивы.

– А любовные романы? – уточнил Михаил.

– Собрала все ваши серии, – с гордостью заявила незнакомка. – И знаете... Я на всех презентациях была.

– Вот оно что! – обрадовался Искандеров. – А то я всё пытаюсь... Конечно, презентации! Давненько их не было... А, кстати, как мою поклонницу зовут?

– Ирина, – назвала своё имя красавица.

На секунду замялась, будто подумывая, а не назвать ли писателю и отчество вместе с фамилией, но, видно, решила, что так будет совсем уж официально.

И повторила:

– Ирина.

«О чём бы её спросить?»

Почему-то не хотелось её отпускать. Просто принять восторги... Нет!

И было странно чувство неслучайности этой встречи.

– А вы одна приехали?

«Какой глупый вопрос! Конечно, не одна! С мужем, любовником, подругой, целым выводком детей, с любимой собачкой, с чёртом лысым! Тебе не всё равно?»

– Отдохнуть решили?

– С мужем, – ответила она. – Отдохнуть от слякотной и серой московской зимы. Как хорошо, что вы тоже здесь. Вы здесь живёте?

«О чём я спрашиваю?» подумала Ирина. «Он не обязан мне ничего объяснять... Но не хочется... просто так уйти... Или не могу?»

– Живу, – подтвердил Искандеров. – Давно... Мне нравится жара.

И неожиданно для себя обронил:

– Вилла «Синди», с окнами на прибой.

«Это ещё зачем?» строго спросил он сам себя. «Больно нужен ей адрес... даме из роскошного авто... За забудет тебя через пять минут!»

– Мы тоже теперь местные жители, – заявила Ирина. – Тоже вилла...

«С окнами на собственный пляж, с балконами и террасой» мысленно добавила она, вспомнив не к месту красочное описание виллы, которое её муж получил от Вениамина накануне отъезда.

– ...симпатичная, наверное. Мы как раз туда и едем! Да, господи, забыла совсем! Надо вас с мужем познакомить. Вот он...

Она повернулась к машине.

– Сидит важно, надулся...

Помахала рукой.

В ответ послышался протяжный автомобильный гудок.

– Сюда! На минуточку! Лёша, ты бы тоже подошёл, поздоровался. Известный писатель...

Лёша!

Не дождавшись ответа от мужа, заявила огорчённо:

– Вредный какой! Вы...

Чуть ближе подошла к Михаилу.

– Вы ведь правда здесь надолго? Так хотелось бы ещё с вами пообщаться, поговорить о ваших книгах...

– Надолго, надолго, – поспешно ответил Искандеров. – Я живу здесь, Ира. Нарока теперь мой дом. А вам...

Краем глаза он увидел, что машина тронулась с места и медленно покатила мимо них в сторону ближайшего переулка.

– ...надо возвращаться. Ваш муж, похоже, устал вас ждать.

«Тойота», миновав их, проползла ещё метра два и остановилась. Водитель снова засигналил.

– Да, я пойду, – согласилась Ирина.

Она погрузилась и опустила голову.

– Давайте на «ты», – неожиданно предложил Искандеров.

Она встрепенулась и посмотрела на него... С надеждой? С радостью? С радостной надеждой?

«Чепуха! Кажется, кажется...»

– Мы?

– На «ты», – подтвердил Искандеров. – Мы же теперь знакомы.

И он едва заметно коснулся её руки. Она не убрала руку, не отпрянула, не отогла в сторону.

Кажется, ей понравилось мимолётное это прикосновение.

– Конечно, – согласилась она. – Теперь знакомы. Мы же увидимся ещё?

– Конечно, – подтвердил Искандеров. – Нарака – маленький город. Идите... Ира, тебя муж зовёт!

Дверь приоткрылась. Всклоченная голова высунулась из машины.

– Да... До свиданья! До свиданья!

И она провела кончиками пальцев по его руке. Мимолётно. Неслучайно.

Неужели так...

Машина рванула с места, брызнув мелкими камешками из-под колёс. Быстро набирая скорость, пронеслась по улице и свернула в переулок, пропав за поворотом.

Секунду на базарной площади была тишина.

А потом Михаил услышал хлопок закрывшейся челюсти пришедшего в себя продавца.

– Какая женщина! – восхищённо забормотал табачник. – Высокая, кожа белая... Жаль, рассмотреть хорошенько не успел! И русский совсем не понимаю. Английский в школе учил, пять лет учил. Русский не учил... Я вам, господин, две щепотки лишних насыпал!

Он подмигнул Искандерову.

– О чём говорили, уважаемый? Мне можно сказать, вы же мой постоянный клиент. Мы же почти родственники!

– С мужем она приехала! – строгим тоном отрезал Михаил.

Продавец всплеснул руками.

– Да кому это мешает! Вот в прошлом году...

– Извини, дорогой, времени нет, – прервал восторженную речь табачника Искандеров. –

Пойду я. Спасибо за бонус!

И помахал на прощание продавцу.

Тот, не обратив на жест его никакого внимания, продолжал говорить без умолку.

Теперь уже на родном, совершенно непонятном Искандерову языке.

Эмалированный тазик, белый с синей неровно выведенной местным кустарём-умельцем каймой упал на вылощенный серо-жёлтой плиткой пол и отчаянно, истошно, протестующе загремел, будто выражая крайнее недовольство столь неделикатным обращением.

Зинаида Павловна схватилась за сердце и громко ойкнула, но до ушей мужа звук её голоса не дошёл, будучи заглушённым разновысотными детскими визгами и шумом льющейся из прожарившего душа воды.

– Ой, я сказала! – уже громко и требовательно повторила Зинаида Павловна.

И на этот раз ответа ей было.

Зинаида Павловна встала, запахнула расшитый золотыми лилиями шёлковый халат, и решительно направилась в душевую.

– Ираклий, я просила тебя помыть детей, потому что они стали потные и плохо пахнут, но я вовсе не рассчитывала, что эта простая...

Она замерла на пороге.

Трое отпрысков, темноволосых и до местной смуглости загоревших мальчишек-крепышей восьми, шести и четырёх лет от роду, уподобившись диким обезьянкам из заповедника Денпасавара, носились друг за другом по всей комнате (благо размеры душевой позволяли детишкам разгуляться), метко поражая друг друга мочалками, скрученными полотенцами, бутылочками из-под шампуня и кусками мыла.

– ...процедура вызовет такой шум и гам! Ираклий!

Зинаида Павловна схватилась за сердце.

Сейчас она заметила, что буйное потомство успело ещё до принятия водных процедур изрядно разгромить душевую комнату: по полу из угла в угол перекатывались разноцветные ароматические шарики, предназначенные для принятия вечерних релаксирующих ванн (саму ванну для таких процедур местный строитель слепил прямо во дворе из остатков добытого где-то Ираклием Клементовичем на стройке и прямо в бочках привезённого к семейному домику бетона), занавеска с душевой кабинки была сорвана и безжалостно истоптана босыми детскими ногами, эмалированный тазик отброшен был к самому порогу, а красный резиновый бегемот, которого Ираклий Клементович наивно пытался использовать для развлечения энергичных детишек и одновременного завлечения их под живительные водные струи, был просто разорван на части.

– Ираклий, что это? Это дети или приматы из джунглей?

Растерянный муж с покрасневшим от волнения лицом стоял недвижно посреди этого первобытного хаоса и по-рыбьи беззвучно открывал и закрывал рот.

– Нет! – заявила Зинаида Павловна. – Тебя с детьми оставлять нельзя! Нельзя! Как, интересно, ты руководил отделением банка в городе Самара...

Изловчившись, она на лету схватила за ухо старшего отпрыска, Филиппа, и отвесила ему пониже спины тяжёлый и звучный шлепок.

– ...если не можешь справиться с тремя малолетними бандитами? Это менеджмент в условиях семейного кризиса?

Филипп скорчил плаксивую рожицу.

– Не смей! – заранее предупредила его мать. – Заревёшь – ещё получишь!

Остальные двое – тут же замерли и испуганно посмотрели на мать.

– И до вас очередь дойдёт! Марш под душ!

Дети потоптались на месте несколько секунд, а потом, собравшись с духом, зашли все вместе в душевую кабину.

Зинаида Павловна быстрыми и точными движениями повесила на крючки занавеску и включила воду.

Услышав детский визг, скомандовала решительно:

– Молчать и мыться! Кому сказала!

– Холодная, – пожаловался, отфыркиваясь, средний.

Леонид.

– Лёня, не обманывай маму! – решительно отклонила жалобу сына Зинаида Павловна. – Водичка не может быть холодной! Гель используй экономней, не лей на пол... На крыше нашего домика стоит цистерна, которая нагревается под жарким южным солнышком. А этой чудесной цистерне греется водичка...

– Ничего она не греется! – угрюмо буркнул младший.

Александр.

– Названы в честь античных героев, а ведёте себя как неженки! – возмутилась Зинаида Павловна. – Пять минут – мыться! Грязнули! Слышать ничего не хочу!

Она задёрнула занавеску и подошла к мужу.

Ираклий Клементович виновато опустил голову.

Зинаида Павловна полминуты мерила его презрительным взглядом.

– Помощи от тебя никакой!

Супруг, пригнувшись, с озабоченным видом стал быстро перемещаться по душевой комнате, собирая на ходу разбросанные предметы.

От волнения руки у него подрагивали и часть собранного он периодически ронял.

– Ничего не можешь! – добивала супруга Зинаида Павловна. – Ничего для семьи не сделал! Даже квартиру в Самаре не мог вовремя выкупить! Теперь московскую сдаём в аренду, а она мне, между прочим, в наследство от безвременно покинувшей нас матушки досталась! То есть родное гнездо чужим людям сдаём за кусок хлеба, а сами заехали чёрт знает куда!

Зинаида Павловна всхлипнула.

Супруг снова раскидал по полу собранные было ароматические шарики и ошмётки красного бегомота, застонал и схватился за уши.

Рыданий он не выносил. Рыдания его убивали.

– В тартарары! – надрывно затынула Зинаида Павловна. – В Тмутаракань! В глушь тропическую, куда только чартеры и летают! Куда подался? Вслед за богатыми? На курорт? У них здесь другие условия жизни, Ираклий! Совсем другие! Им не надо копейки от аренды считать и травками торговать для укрепления бюджета. И детишек своих они могут в столицу штата отправить, в частный пансион. А то и вообще в Лондон какой-нибудь... А мы? Мы же застряли в глуши, а здесь даже школы...

Зинаида Павловна схватилась за голову.

– Здесь даже школы приличной нет! Ты о детях подумал? Хотя бы о старшем?

Лёгкий на помине Филипп высунул голову из-за занавески.

– Мам, а детский шампунь кончился!

– Взрослым мойтесь! – распорядилась Зинаида Павловна. – В зелёной бутылочке!

Филипп исчез за занавеской.

Зинаида Павловна подошла вплотную к мужу и свистящим шёпотом произнесла:

– С такими бездарями!... Правильно ваш филиал закрыли!

– Не смей! – закричал муж и затопал, разбрызгивая натёкшую на плитку воду. – Не имеешь права! Ты...

Он выразительно постучал себя в грудь кулаком.

– Ты по другому, совсем по другому вела себя, совсем другие слова говорила в иные времена, когда я был руководителем! Ру-ко-во-ди-те-лем! Ру... Понимаешь? Как звучит-то! Звучит!.. Я был совсем другим человеком! Я был уважаемым человеком! И не моя вина, что начался этот кризис и банк сократил расходы! А ведь в своё время сам председатель правления...

– Болтун! – осадила его супруга. – Нашёл, о чём вспоминать! И когда! Всё прошло, Ираклий. И, боюсь, безвозвратно. Тебя использовали, милый, и выкинули. Вот сюда!

Она показала на маленькое, затянутое сеткой оконце.

– Сюда! Где несть, как говорится, ни печали, ни воздыхания, а только вечная память...

Ираклий Петрович замахал руками.

– Замолчи! Прошу тебя! Всё исправится, обязательно исправится! Очень скоро...

И выбежал из душевой, пнув ненароком по дороге некстати попавшийся под ноги тазик.

– Который месяц уж исправляется! – крикнула ему вслед Зинаида Павловна. – Конца и края не видно...

И тут сквозь шум воды услышала она мелодичный звон бронзового колокольчика, что висел у входа в их семейную лавку, что занимала половину (самую подходящую для торгового дела, на оживлённую улицу выходящую половину) их дома.

– Ираклий, приди в себя! – потребовала Зинаида Павловна. – Зайди в лавку! Срочно туда зайди и спроси человека, что ему нужно. Я не могу бросить детей! И набрось рубашку, не смей принимать покупателя в майке.

Собственно говоря, это был не покупатель.

Это был дилер. Мирон Савельевич Бурцин.

В промежутках между мелким попрошайничеством и работой грузчика в аэропорту Мирон ещё и приторговывал местными снадобьями и лечебными травками, распространяя их среди падких на экзотику туристов, заскочивших по случаю в Нараку и готовых на ходу купить целебные корешки и листья, которые Мирон с сочинёнными им лично молитвами и заклинаниями продавал им за скромную, но при том в долларах рассчитанную плату.

С Зинаидой Павловной Годецкой и супругом её, Ираклием Клементовичем, рассчитывался Мирон по факту продажи.

Репутация Мирона среди мелких торговцев и местных попрошаек была тверда и безупречна. Даже торговцы дурманящей смолкой давали ему иногда товар на реализацию без предоплаты. Правда на сумму не более, чем в пятьсот долларов.

Видимо, полагали, что пятьсот долларов Мирон отработает по любому.

То есть, по всякому.

Мирон, впрочем, и без того работал по всякому. Брался за всё и с одинаковой охотой.

Сейчас он пришёл к Годецким за новой партией товара.

– Сорок пять долларов за прошлую партию, – сказал Мирон и высыпал кучу смятых бумажек на прилавок. – Две банки с ведической маалью толкнул в аэропорту. Как говорится, не отходя от тележки.

Мирон был взволнован и дышал часто, сбивчиво.

– Две туристки, прямиком из Москвы на чартере. Я местным прикинулся, благо загорел до смуглости. Балакал на ломаном английском, насили уломал... Но купили!

Взглянул победно на Ираклия.

– Сорок пять? – переспросил Ираклий Клементович.

– Пятнадцать – мои, – поспешно заявил Мирон. – Их я себе и оставил. Сразу отложил, чтобы не считать потом. Чего их считать, если они уже мои? Остальные ваши. Сорок пять. Как договаривались...

– Свои, твои,.. – меланхолически-задумчивым тоном протянул Ираклий Клементович, перебирая машинально смятые долларовые бумажки.

Мирон посмотрел на него пристально и, перейдя на шёпот, спросил:

– В семье нелады, Клементыч?

Хозяин вздрогнул и, посмотрев искоса на Мирона, быстрым движением смахнул деньги в кассовый ящик.

– Хорошо всё, хорошо, – начал было Ираклий Клементович, но потом осёкся и махнул рукой.

– Вообще – плохо, – выдохнул он. – Беда, Мирон... Ругаемся всё, ругаемся... Зинаида совсем нервной стала, да и у меня сердце не на месте.

В иные времена он бы на слова Мирона никого внимания не обратил бы, да и вообще, пожалуй, общаться бы без крайней нужды не стал.

Но иные времена давно прошли, и давно уже Ираклий Клементович утратил былое высокомерие по отношению к тем, кого ещё несколько месяцев назад считал «лузерами и простофилями». Теперь же, будучи и сам неудачником и в глубине души отчасти с этим смирясь, готов он был и Мирону внимание уделить, и не только корысти ради.

Хотелось ему теперь же, сию минуту хоть с кем-нибудь поговорить, а иной компании, кроме Мирона, не была, да и, пожалуй, быть теперь не могло.

– Я вот иногда думаю, – произнёс тихо и нерешительно Иракий Клементович, – всё ли правильно я делал... Когда принял решение сюда переехать, но и раньше. Может, действительно надо было как-то иначе всё решать? Можно было жизнь по иному пути пустить, возможности были... Ведь если вспомнить всё упущенное... Прямо не по себе становится! Так ночью проснёшься, да начнёшь считать: три года назад была возможность в Штаты переехать, год назад была возможность служебную квартиру выкупить, ещё месяцев восемь назад была возможность на другую работу перейти. Всё было... Не сидел здесь сейчас, на краю земли. Или, может, всё так и должно было быть? Все повороты предопределены были?

Мирон пожал плечами. И с демонстративным равнодушием почесал грудь.

– Чего молчишь? Пришли куда надо или в другое место следовало идти?

– А в какое – другое? – вопросом на вопрос ответил Мирон.

И вскинул удивлённо брови.

– Ты, Клементыч, не обижайся, но я тебе правду скажу. Я людям всегда правду говорю, за это они меня и ценят. Вы люди семейные, в свои дела погружены. Живёте в глухом углу, из дома редко выходите. Только на базар местный. И спутниковую антенну из экономии не купили!

– У тебя и вовсе телевизора нет! – возмутился Иракий Клементович. – И дом из картонных коробок склеен!

– Зато в хорошем месте, под мостом, – с невозмутимым видом возразил Мирон. – Никакой дождь не страшен. И ремонт, опять-таки, дешёв и прост. А ещё я почти каждый день или в аэропорту дежурю, или в Нараке около торгового центра. В аэропорту, между прочим, круглые сутки на больших таких, плазменных панелях новостные программы показывают. А возле торгового центра, на площади – табло смонтировано с бегущей строкой. Там тоже новости, курсы валют...

Мирон ткнул себя пальцем в грудь.

– Я английский-то не забыл! Так что читаю, изучаю на досуге. Какие там Штаты, Клементыч! Чтобы ты выиграл, если бы туда переехал? Знаешь, что там твориться? Волосы дыбом!

– Но уж лучше, чем здесь! – возразил хозяин.

– Спорный момент, – не принял возражение Мирон. – Здесь лето круглый год, витамины на деревьях сами собой растут. Документы никто не спрашивает, за жильё платить не надо. Полицейскому местному раз в неделю десятку сунул – и ты ему лучший друг. Главное – на базаре не подрабатывать, там всё у местных схвачено. И с нищими не ссориться, у них – свой клан. Их и уголовники местные побаиваются. А в остальном – свобода!

Мирон сладко зажмурился.

– Хочешь – на пляже целый день валяйся, хочешь – голым по джунглям бегай. Никому до тебя дела нет. Зима в разгаре, самый сезон пошёл! Туристы так и валят! Эх, Клементыч!..

Хозяин поморщился.

– Всю жизнь мечтал голым по джунглям бегать! Впрочем, тебе, Мирон, для счастья, может, только жары и не хватало. Чтобы заголиться да побежать, куда глаза глядят. Ты ведь ещё до кризиса бродяжничать начал, когда тебя любовница за порог выставила. Я помню, ты сам рассказывал!

– Кто старое помянет,.. – намекнул Мирон.

Но хозяин намёку не внял, и продолжил:

– Ты немного потерял. Может, и ничего не потерял. Может даже, приобрёл. А у меня? Одна квартира ушла без возврата, во вторую чужих людей пустил. Хорошо – платят пока, а ну как кризис всё обрушит? И от них денег не дождёшься. Продавать тогда квартиру придётся, а много ли в кризис за неё выручишь? И эти деньги кончатся! И тогда что? За этот дом...

Иракий Клементович показал на прилавок.

– ...аренду платить надо. Кушать надо, детей учить надо, жене платья надо покупать!

– Бизнес развивай, Клементыч, – посоветовал Мирон. – Тогда всё в порядке будет. Я же тебе прозрачно намекаю: сезон начался, туристы косяками пошли. Да и переселенцы из России в Нараку едут и едут! В России дела вообще – швах! Хуже, чем в Штатах. Вот и едут бедолаги в тёплые края. Временно мигрируют, блин! А они тут – новенькие, свежачки, местной специфики не знают. На них тоже можно зарабатывать! А ты, Клементыч, мой торговый потенциал не используешь, товар на реализацию отпускаешь скупно. По одной банке-склянке, по две... Хорошо, когда по три. И то – одного вида снадобье. Разве я тебе с таким ассортиментом крупного покупателя найду? Вот и перебиваемся по мелочам... А у меня – козырная позиция.

Мирон подмигнул заговорщицки.

– Я первый туристов встречаю! И контакт с людьми быстро нахожу. Я бы не только банки, я бы и травки ваши ядовитые пристроил...

Хлопнула дверь.

– Травки, между прочим, лечебные, а не ядовитые!

В лавку, дымя тонкой сигареткой, решительным шагом вошла Зинаида Павловна.

«Подслушивала» догадался Ираклий Клементович. «Стояла за дверью и подслушивала. Самая хитрая она тут, больше всех ей надо!»

Следующая мысль вселила в душу беспокойство.

«А не сказал ли я ненароком чего-нибудь этакого?»

Впрочем, тут же решил, что – едва ли. Вот только на жизнь нескладную жаловался постороннему, а подобные исповеди супруга не приветствовала.

Но это упущение прощительное. Супруга и без того считала мужа человеком слезливым и излишне доверчивым, потому доверительную беседу с посторонним считала делом хоть и наказуемым, но наказуемым не сильно, в рамках среднестатической болевой чувствительности.

А вот Мирон, пренебрежительно отозвавшись о травках, глупость допустил непростибельную.

Он, впрочем, и сам это понял, потому и сжался, сгруппировавшись заранее, и по-черепаши втянул голову в плечи.

– Это что же получается?! – начала обличительную речь Зинаида Павловна. – Я, человек с высшим образованием и тонким художественным вкусом, сама собираю целебные травы, сама подсушиваю, сортирую, по пакетикам раскладываю – и в итоге отравка получается? Так, что ли?

«Будто я не знаю, по каким помойкам ты их собираешь!» подумал Мирон.

И попытался обворожительно улыбнуться, однако по причине страха и волнения улыбка получилась кривой и вымученной.

– Прекрати скалиться! – возмутилась Зинаида Павловна. – Возмутительно! Товар ему не нравится! Ишь, знаток ведической медицины нашёлся... Мы тебе на кусок хлеба даём заработать! Одежду покупаем!

Она прищурилась подозрительно.

– Где шорты лимонные, что на прошлой неделе купили? Эксклюзив, между прочим, бутиковая вещь! В Москве такую не найдёшь! Где они? Почему ты в приличное торговое заведение в рубище приходишь? Как тебе вообще товар можно доверить, дилер голозадый?!

– Шорты в полной сохранности, – поспешно ответил Мирон. – Я их только в самых торжественных случаях надеваю! Для особых клиентов, уважаемых людей... Шорты в надёжном месте хранятся, будьте спокойны. У меня в порту местном знакомый работает, так я в его камерке всю приличную одежду держу. У меня дома нельзя, сами понимаете... Так что всё ценное под замком, вы не беспокойтесь!

Зинаида Павловна аккуратно затушила сигарету о край стоявшей на краю прилавка синей фарфоровой пепельницы и жестом патриция, гонящего прочь провинившегося слугу, показала Миرونу на дверь.

– А новая партия? – забеспокоился вольный дилер. – Ещё хотя бы пару баночек! Мне за жильё платить надо!

– Какое жильё! – возмутилась хозяйка. – Ираклий, о чём он говорит?

Муж развёл руками и, повернувшись к спорящим спиной, начал суетливо раскладывать по полкам коробочки с целебными желатиновыми пилюлями (сырьё для которых сам вываривал на заднем дворе, часами помешивая булькающее в закопчённом котелке густое и зловонное варево, в котором плавали скупленные по дешёвке на местной бойне кости).

– Ты же под мостом живёшь!

Мирон помялся и переступил с ноги на ногу.

– С тебя муниципалитет ни гроша не берёт! Ни рупии! Нет, как ты смеешь!

– Такое дело, – ответил Мирон. – Меня Камиль, полицейский местный, предупредил... Проверка через три дня, облава будет. Кто пятьдесят баксов не приготовит, либо в местной валюте... В общем...

Он ребром ладони провёл себе по горлу.

– О, Господи! – и Зинаида Павловна схватилась за сердце. – Ты чего это говоришь? Прирежут, что ли, чёрные?

Мирон замотал головой.

– Если бы! Нужен я им больно... Всех, кто не заплатит – загребут. Местных, не местных – без разницы. Общая облава... У начальника полиции сын женится, деньги нужны. Полицейским надо на подношение скинуться. Вот они и решили городок почистить. Да... А порядки тут, прямо как в России. Нет денег – живи по закону! Беда... Домишко снесут как незарегистрированный, а меня – в тюрьму. Хорошо, если местную, так всегда договориться можно... А если в Бангор отправят? В центральную каталажку?

Мирон зажмурился на секунду.

– Могут, как иностранца... Тогда ведь депортируют! Как пить дать, депортируют! Вот ведь... Незадача... Как лучше хотел, для вас ведь!

И Мирон очень натурально всхлипнул. Очень ему самого себя стало жалко.

Впрочем, сообщение о готовящейся облаве он не выдумал. Выдумал только сумму. Точнее, слегка преувеличил.

Камиль говорил о тридцати долларах. С возможностью сторговаться за двадцать пять.

Это – почти как с местного (местные платили двадцать). Осевшие в Нараке иностранцы, не накопившие денег на приличное жильё и потому попавшие в число клиентов Камилля, платили по сорок пять.

Хиппи не платили Камиллю и его полицейской команде ничего. С местными коммунарами хиппи работал лично начальник городской полиции. Говорят, были какие-то посредники, которые отчисляли ему деньги за спокойную жизнь детей цветов, но...

Точной информации ни у кого не было. Даже у Камилля. Что имел начальник с «цветоводов», какие суммы и за какие услуги – знал только сам начальник.

«В хиппи, что ль, податься?» подумал Мирон, утирая кстатн выбежавшую из уголка глаза слезу. «Мир, просветление... Make love, опять-таки... Благодать!»

Зинаида Павловна растаяла и потеплела сердцем к несчастному.

– Ираклий!

Она повернулась к мужу.

– Дай уж ему пару баночек на реализацию. С синими этикетками...

Зинаида Павловна вздохнула и опустила голову.

– Пусть подавится!

Мирон засуетился и начал судорожно тереть вспотевшие ладони о пыльные шорты.

– Это очень правильно! Это вовремя! Как раз заработать на жизнь спокойную! Это очень выгодные вложения...

– Молчи уж! – прервала его восторги Зинаида Павловна.

Ираклий Клементович выставил на прилавок две полулитровых банки с синими, криво наклепленными этикетками.

– Аюрведическая мазь для кожи, улучшает состояние эпидермиса, – проинструктировал он Мирона. – Защищает от ультрафиолетовых лучей, излечивает ожоги, снимает отёки. Образует устойчивый к морской воде защитный слой...

«Надо ещё вазелина заказать» подумал Ираклий Клементович. «Вазелин заканчивается...»

– Понял, понял! – радостно произнёс Мирон и, прижав банки к груди, пошёл к выходу.

И самой двери он остановился и, встав к хозяевам в полоборота, заявил:

– А я такого человека видел! Сегодня видел! На вилле «Синди»... Хорошую комнату снял, с окнами на пляж. И душ свой, и туалет. Прямо отель «Савой», номер люкс!

Хозяева не ответили. Раскладывали товар на прилавке и даже головы не повернули в его сторону.

Судя по словам Мирона, он каждый встречал какую-нибудь историческую личность. В крайнем случае, просто суперзвезду.

На поверку же оказывалось... В общем, рассказы Мирона о неожиданных встречах с великими доверия не вызывали.

– Писатель! – выложил последний козырь Мирон. – Известный писатель! Искандеров! Михаил Искандеров!

Молчание.

– Ну как же! – возмутился Мирон. – «Грозовой рассвет»! «Ложь невинных»! «Любовники Лорен»! Не читали?

Молчание.

– Что, правда не читали? Совсем? И писателя такого не знаете?

Мирон был явно обескуражен.

– Сериалы по его книгам ставили... Не помните? Во дела... И любовные романы не читали? А как же... Да я обязательно с ним познакомлюсь! И вас познакомлю! Это же... Клиент, может быть!

– Мирон, – усталым голосом произнёс Ираклий Клементович, – в Нараке скоро олигархов будет как грязи, а ты с писателем каким-то... Вышел в тираж щелкопёр, да и прикатил в дыру. Тоже мне, новость... Скоро вся Россия по миру разбредётся, так чего теперь делать? Вокруг писателей хороводы водить?

Ираклий Клементович махнул рукой.

– Иди уж, Мирон, работай.

Мирон подтолкнул коленом дверь и быстрым шагом покинул лавку.

Обидевшись за писателя, он даже прощать с хозяевами не стал.

– Забавный человек Мирон, – прошептал Ираклий Клементович.

– Все мы забавные, – ответила Зинаида Павловна. – Кто только с нами забавляется, хотела бы я знать?

Прищурившись, она повернула банку на бок и посмотрела на запылившуюся этикетку.

– Ираклий, замени! Замени бумажку на новую! Немедленно! Ну, что ты понаписал? Средство от ревматизма... Кому это здесь надо? Вот вторую неделю продать и не можем! Замени этикетку и добавь глицерина, будет ведическое средство после бритья. И много не лей, двух ложек хватит!

Ираклий Клементович вынул из-под прилавка коробку, извлёк из неё скрученную рулоном бумажную ленту, баночки с краской, фломастеры, картонные трафареты с вырезанными на них замысловатыми названиями лекарств (на латиннице и ещё на каком-то диковинном языке, который супруга выдавала за санскрит).

Помолился, обратившись к весело танцующему на верхней полке Шиве.
И приступил к работе.

А если солнце...

А если по крышам...

А если солнце прыгает по крышам, разбрасывая жар, будто капли до кипения подогретой патоки, разбрасывая жёлто-белый, обжигающий кожу жар – не покидайте, не покидайте тени.

И не заметите, как провалитесь в тёмный, душный морок, так что огненный шар над головой скакнёт в темноту, и протяжный звон у шах сменится коротким, едва слышным хлопком – и молчанием.

Осторожно дышите. Воздух полдня опасен. Сердце будто наполненный горячим воздухом шар, тугой шар. Лишний вдох – и лопнет.

Держитесь тени, идите медленно и осторожно. Купите бутылочку прохладной воды... Нет, не там! Не в той лавочке, что у старой, с колониальных времён оставшейся католической церкви. Красив храм, оставленный португальцами, но лавчонки, прилепившиеся к белым его бокам, пользуются у знающих людей дурной репутацией.

Местные торговцы воду набирают... Э, да вам лучше не знать!

Вот пройдите (осторожно! осторожно!) ещё метров двести, да у самого входа на заполненный многоголосыми и многоязыкими толпами городской базар зайдите в лавку Хамида, над входом в которую висит гордая надпись SuperMarket.

Красными буквами по белому куску картону.

Можете секунды три постоять у входа и сделать вид, что любуетесь надписью.

Хамиду будет приятно. Это он сам писал.

Да, заходите к нему. У Хамида замечательная лавка. По местным меркам – и впрямь супермаркет. Ну, почти супермаркет...

У Хамида есть даже холодильник. И потолочный вентилятор! Был ещё кондиционер (над входом), но месяца два назад фреон вытек, а до ремонта всё руки не доходят.

Но холодильник морозит исправно. И в этом холодильнике всегда найдётся замороженная, ледяная, голубая, тонкой изморозью покрытая бутылка самой вкусной на свете питьевой воды.

Купите воду. Обязательно скажите Хамиду спасибо, он будет очень вам благодарен за внимание. Не забудьте взять сдачу!

Хорошо, совсем мелкие монетки можно оставить в коробке с надписью Tips, что лежит себе скромно (но заметно) у самой кассы.

И отправляйтесь в путь. Возле базарной площади есть, что посмотреть. Там много местных достопримечательностей.

Правда, их ещё надо суметь отыскать, хотя бы разглядеть за городской сутолокой, потоками заполонивших площадь повозок, скутеров, мотоколясок и машин, за рядами сколоченных из досок, кусков оргалита и собранных ещё бог знает из чего хижин, плотно облепивших исторические здания и памятные места центральной части Нараки.

Но если не будете спешить, бежать и суетиться... Да, вы помните, что это опасно!

Если вы хотя бы с полчаса постоите в тени под старым баньяновым деревом, что растёт у южной оконечности базарной площади возле кожаных рядов, и пристально посмотрите на открывающуюся с этого места панораму города, то непременно произойдёт следующее: или по милости Будды снизойдёт на вас просветление (и тогда прогулку придётся отменить), или

упадёте вы всё-таки в глубокий обморок от духоты, наполненного тяжёлыми южными ароматами горько-пряного горячего воздуха, смешанного с едкой красновато-коричневой пылью, или уж заметите изящные контуры португальский и британский зданий, и различите в тропическом мареве голубой купол древнего дворца царей-владык Денпасавара.

И губернаторский дворец викторианских времён блеснёт на солнце стёклами. И красными линиями протянутся черепичные крыши португальского квартала. И скрытый строительными лесами дом, стены которого выложены декоративной розовой плиткой, окажется вдруг изящным зданием воздушного европейского покроя, по фасаду украшенным лепниной в стиле рококо.

Удивлены? Да, красиво. Итальянские купцы строили, ещё в конце восемнадцатого века. Архитектор, говорят, француз был... Не жалели люди денег на красоту.

И как удачно в местный городской ландшафт вписали! Так удачно, что теперь здание почти полностью растворилось в городской застройке.

Смотрите... Увидите, как тянет к небу терракотовый, украшенный красно-синим орнаментом гопурам индуистский храмовый комплекс. Там, на краю квартала, у самого городского парка... Потянут к вам руки боги, и обезьяны запрыгают по синему коническому своду.

И старая белая мечеть качнёт минаретами, будто склоняя каменные их головы в полдневной молитве.

То есть... Э, да это вы уже голову клоните! Что, кружится? Кислый комок к горлу подступает? Пейте скорее воду! Пейте, она уже немного нагрелась и не такая холодная. Но не жадно! Медленно, короткими глотками.

Пришли в себя? Ну и замечательно!

Теперь пора в путь. Сами выбирайте, куда идти. И не ждите гидов, едва ли дождётесь их. Нарака – ещё не освоенное туристами место.

Но тем лучше! Есть шанс остаться наедине с историей.

А здесь есть, что посмотреть! Всё ещё мне не веримте?

Тогда спросите... А хоть вот его. Михаила Львовича Искандерова. Он здешние места хорошо знает.

Незаметный в толпе и едва ли кому видимый, гуляет он по городу почти каждый день в самую жаркую пору, когда суетливое движение города немного замедляется и неспешный шаг не нужно подстраивать под скорое и неровное течение людского потока.

Никем не примеченный, идёт он на прогулку по хорошо уже изученным местам.

На встречу со старой Нараккой.

Прекрасным пеклом.

А вот теперь...

Да, немного опоздали. Он возвращается назад.

Почему-то на час раньше.

Предчувствие у него, что ли? И шаг слишком быстрый...

Хорошо, допейте воду. И идите на прогулку без него.

Искандеров возвращается на виллу. Для того, чтобы у ворот, у ограды, увитой лилейной лианой, увидеть её.

И услышать:

«Здравствуйте, Михаил... Я вот вспомнила, что вы живёте на этой вилле... Случайно проходила...»

И ответить:

«Мы договорились перейти на „ты“. Правда?»

И добавить:

«Здравствуй, Ира. Очень, очень рад тебя видеть!»

Да, вот сейчас это произойдёт. Он уже повернул за угол, идёт по улице. Сейчас он увидит её...

А вы не стойте, проходите. Нечего тут стоять! Я вам всё потом расскажу, во всех подробностях и со всеми деталями.

Нам, жителям Нараки, скрывать нечего. Все тайны в прошлом...

– Вилла VIP-класса «Дильмун»! – гордо провозгласил Вениамин, открывая двери в дом. – Особняк для избранных!

– Посмотрим, посмотрим,... – пробормотал Алексей, переступая порог.

Вениамин нисколько не преувеличивал. Даже на самую малость не преувеличивал. Безусловно, это был VIP-класс!

Конечно, дом немного не дотягивал по роскоши до дворца раджи. Но богатый восточный декор с обилием шёлка золотых тонов, зелёного и красновато-бурого мрамора, горного хрусталя и шлифованного до зеркальной гладкости лазурита вполне явно произвёл впечатление на замученного кризисом московского бизнесмена.

Особенно поразил его стоявший посреди холла фонтан, представлявший собой установленную на ступенчатый пьедестал чашу из розового гранита, украшенную хризолитовыми вставками.

Переливавшаяся через края чаши вода по мраморным стокам поступала в широкий, закрытый декоративной решёткой желоб, проходивший вдоль стен по периметру холла. Водяной поток этот охлаждал воздух и тихим журчанием успокаивал сердце.

А с высоты, проходя сквозь мозаичный стеклянный купол, падали огненным водопадом оранжево-золотистые лучи, подсвечивая вспыхивающие на краях чаши топазы.

– Ой!

Ирина захлопала в ладоши.

– Прелесть какая!

Она подбежала к фонтану и понесла руку к журчащему потоку.

– Холодная...

– Ледяная, – подтвердил Вениамин. – Особая система охлаждения. Вообще-то дом кондиционирован. Централизованная система с воздушными каналами. Но в холле воздух охлаждает этот ручей. Приятно, правда?

Ирина кивнула в ответ.

– Дорого, наверное? – спросил, нахмурившись, Алексей.

Ирина погрозила ему пальцем.

– Лёша, ты опять жадничать начинаешь? Даже здесь? В раю?

Она ожидала ответа успокоительного, возможно даже переходящего в шутку.

Но мужа её как будто подменили. Прежний, лёгкий в общении и жизнерадостный Алексей, исчез куда-то сразу после отлёта из Москвы. В самолёте сидел неразговорчивый и сумрачный мужичок, сжавшийся боязливо, будто окружённый лисами ёжик.

А в Нараку прилетел и вовсе выбитый из колеи человек. То ли невзрастеник, то ли мелкий тиран... Вообще, человек новый, незнакомый Ирине. И неприятный.

Вот и сейчас.

– Этот рай, между прочим, моими деньгами оплачивается, – ворчливым тоном произнёс Алексей.

И скривился, будто от неожиданных желудочных колик.

– И я имею право знать, что и сколько здесь стоит. И вообще...

В голосе его послышалась угроза.

– ...ты не имеешь права меня упрекать! Я имею право быть бережливым!

Он откашлялся.

– И я ещё насчёт писателя этого с тобой не поговорил! Радостная встреча, ничего себе! В первый же день, до дома добраться ещё не успели, а она...

Ирина отвернулась и пошла в сторону галереи, ведущей во внутренние комнаты.

У самого выхода она остановилась и сказала тихо, словно говорила сама с собой:

– Каким мелочным и мелким ты стал, Лёша... Неприятно.

Вениамин засопел беспокойно и сделал несколько шагов к Ирине.

– Я сама всё посмотрю, – сказала она. – Займитесь мужем, Вениамин. Он плохо себя чувствует.

И ушла.

Вениамин дождался, пока стихнет звук её шагов, и подошёл к начальнику.

– Я понимаю, стресс после переезда. Ей нужны положительные эмоции...

Алексей скривил губы.

– Ерунда! – решительно произнёс он. – Мелкая ссора... Я виноват, я всё исправлю. Но она тоже... Почему прямо у меня на глазах нужно было такие восторги изображать? Я работаю с утра до вечера, зарабатываю, несу деньги в дом – и никаких восторгов в ответ. Она просто принимает это как должное! Машину в подарок – как должное, кольцо с бриллиантом – как должное, сумочку из бутика – как должное! Всё её благополучие на моих нервах держится, а она этого не понимает. И в упор меня не видит. Я так, приложение...

Вениамин вздохнул и попытался вставить слово:

– Всё стоит недорого. Низкая арендная плата в Нараке – это преимущество. Я по каталогу проверил всё побережье...

– ...Просто приложение! – продолжал возмущаться Алексей. – Но стоит увидеть какого-то обрмота на улице – и восторг! Надо же, великий человек! Она не понимает, что унижает меня своими глупыми выходками? Ей вообще на мои чувства наплевать?

Вениамин пожал плечами. И сложил ладони у груди.

– Алексей Валерьевич, я вас умоляю! Я всего лишь личный помощник! Я молод, холост, ничего в семейных делах не понимаю...

Алексей похлопал его по плечу.

– Ладно, Веня, не бери в голову...

Потёр лоб.

– Плохо мне что-то, сердце не на месте. Непокойно... Перенервничал, должно быть. Надо высказаться, Веня, душу излить. Вот ты мне под руку и попался.

Алексей усмехнулся.

– И Ира, бедняжка, попалась. Знаю... Я, когда нервный, невыносим. Ничего не могу с собой поделать!

Вениамин улыбнулся радушно и подчёркнуто-беззаботно.

– Ничего, ничего! Здесь вы сразу успокоитесь, придёте в себя. Райское место! Птички чирикают, океан шумит. Собственный пляж, между прочим! Отдельный выход, дорожка прямо от виллы к берегу. Аборигены и туристы беспокоить не будут, здесь весь район под охраной полиции.

Вениамин облизнулся, будто съёл ложку сладчайшего заварного крема.

– И о ценах не беспокойтесь! Я вам распечатку прокажу с всеми расчётами. Вы удивитесь... Да что там, поразитесь просто, насколько здесь всё дешево! Место...

Он подмигнул.

– ...Нераскрученное! Местные риэлторы к богатым людям не привыкли пока, в ценах не ориентируются. Самое удачное время виллы здесь арендовать, уж поверьте! В России скоро всех жареный петух в одно место клюнет, все в тихие места побегут, у кого денег на побег хватит. А в Лондоне или Нью-Йорке для шика другие деньги нужны. Вот в Европе такой дворец стоил бы...

- Ладно, – прервал его восторги Алексей. – Молодец, утешил! Успокоил и развеселил! Он обошёл фонтан и, подойдя к колонне, провёл ладонью по шёлковой драпировке.
- Восточная фантазия...
- Поманил пальцем Вениамина.
- И спросил шёпотом:
- А бассейн и правда с джакузи?
- Правда, – шёпотом же ответил помощник. – Бассейн у нас... то есть, у вас... во внутреннем дворе...
- Чего шепчешь? – повысил голос Алексей. – Передразниваешь?
- Во внутреннем дворе! – отчеканил Вениамин. – На втором этаже виллы две открытых галереи. Одна с видом на бассейн, вторая – на океан. Перед домом лужайка и площадка для гольфа. Есть апельсиновая роща...
- Помню, – ответил Алексей. – Ещё гараж и площадка для вертолётки.
- Он достал мобильный и набрал номер.
- Ириша, солнышко...
- «Пора уходить» понял Вениамин. «Вещами распорядится, багажом... Свою квартиру в городе проверить не мешает!»
- Видишь, я совсем не жадный. С московского номера на московский звоню, чтобы извиниться. Ну, не дуйся! Я барбекю вечером сделаю... Клянусь! Сам, лично! Чего ты меня бросаешь? Ты где, зайчонок? Я извинюсь... В какой комнате? Они все большие... С бронзовой люстрой?
- Алексей недоумённо пострел на помощника.
- Второй этаж, налево и до конца, – подсказал Вениамин. – Спальня с балконом.
- А я сейчас тебя найду! – игривым тоном произнёс Алексей. – А я сейчас приду к зайчонку...
- Он прикрыл трубку и, повернувшись к помощнику, бросил отрывисто:
- Букет в вазу! И поставь у бассейна! Распорядись...
- Сделаем, – отозвался Вениамин. – Дадим команду персоналу!
- И, вздохнув облегчённо, пошёл к машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.